

The background of the cover is a romantic illustration of a man and a woman in a cafe. The man, with a shaved head and a beard, is wearing a dark suit and a light-colored shirt. He is leaning over a wooden table, holding the hand of a woman. The woman has dark hair and is wearing a bright red, short-sleeved dress. She is looking down at her hand. On the table, there is a white cup and some papers. In the background, there are large windows showing a city street at night with snow falling. String lights are visible above the windows.

АННА
ШНАЙДЕР

Не проси
ПРОЩЕНИЯ

Анна Шнайдер

Не проси прощения

<https://litres.ru/74204658>

Аннотация

Много лет назад Виктор предал жену и детей - и всё потерял. Дочь с тех пор не хочет его ни видеть, ни слышать, сын с неохотой, но отвечает на звонки и соглашается на встречи. Жена... конечно, она давно стала бывшей - так и не простила. Виктор думал, что так и будет продолжаться дальше, но... одно сообщение, пришедшее посреди ночи, всё изменило.

История Виктора, начальника Павла из "Ты меня предал" (да-да, по просьбам читателей)

Обсуждение и осуждение героев приветствуется автором (даже в самых резких высказываниях), но очень прошу, не кидайтесь тапочками друг в друга. Переходы на личности будут пресекаться)

Содержание

Пролог	5
1	8
2	13
3	16
4	19
5	23
6	26
7	33
8	38
9	43
10	49
11	55
12	61
13	66
14	70
15	74
16	77
17	80
18	85
19	89
20	93
21	96
22	100

Пролог

— Витенька, а ты мне купишь? Купишь, да? — с придыханием спросила Даша, умоляюще глядя на спутника тёмно-кариими очами, обрамлёнными пушистыми ресницами. Её лицо, как всегда, было трогательно-наивным, благодаря чему Даша выглядела милым и невинным ребёнком. Хотя у Виктора она ассоциировалась скорее с кошечкой, которую очень хотелось погладить. И не только между ушей...

— Конечно, куплю, — он благосклонно кивнул и махнул рукой, указывая на витрину. — Выбирай, что хочется.

Даша просияла, и не удивительно. Из украшений у неё были только золотые серьги и тонкое серебряное колечко — подарок матери на восемнадцатилетие. А сейчас Виктор предлагал ей выбрать любое украшение, какое только захочет. Как тут не радоваться?

Девушка восторженно порхала по залу, постоянно попискивая от радости, и едва не плясала, разглядывая лежащие под стеклом ювелирные изделия. Виктор ходил за ней и улыбался, чувствуя себя довольным и счастливым. Приятно всё же доставлять удовольствие хорошему человеку... тем более что Даша заслужила. Она была очень отзывчивой и ласковой, и при этом не требовательной. За месяц ни одного скандала, ни одного намёка на неудовлетворённость собственным статусом, ни одного требования уделять ей боль-

ше внимания. Идеальная девушка. Ещё и молодая, красивая до умопомрачения и умная...

Не в силах сдерживать себя, Виктор игриво хлопнул Дашу по бедру, из-за чего девчонка взвизгнула чуть громче, а затем залилась счастливым хохотом. И он тоже хотел рассмеяться... но не успел.

— Папа?!

Дрожащий то ли от удивления, то ли от неуверенности голос дочери целиком и полностью разрушил атмосферу беззаботности и счастья. И вторгся в мысли Виктора о Даше, сразу их обрубив. И не только их — Горбовский застыл, не в силах пошевелиться и ощущая себя человеком, у которого внезапно отказал позвоночник.

— Папа, кто это?! — повторила дочь уже твёрже, и к неуверенности прибавилось негодование. — Папа?!

Это сон. Это ведь сон, правда? Не могла Марина здесь оказаться. Что ей делать в этом ювелирном?!

— Мам! Мам... Пойдём, мама! Мама! — услышал Виктор голос сына, резко выдохнул, ощущая, как сердце словно заливает холодом, и обернулся.

Про Дашу он напрочь забыл. А вот она не забыла, взяла его за руку... И Виктор непроизвольно до боли стиснул её ладонь, оглядывая застывшие в двух шагах от них фигуры жены, сына и дочери.

Все трое были белы как мел. Вот только Марина и Максим хотя бы походили на живых людей, тогда как Ира...

Она задыхалась. И лицо её из белого постепенно становилось мертвенно-серым.

— МАМА! — завопил Максим, пытаясь удержать женщину от падения. — Мама, что с тобой?!

Виктор, моментально отмерев, ринулся вперёд, вытряхнув из ладони руку Даши, помог Максиму уложить Иру на пол и прохрипел, поднимая голову и глядя на оторопевших от происходящего консультантов:

— Скорую! Быстрее!

Он сходил с ума от отчаяния, пытаясь прощупать у жены пульс — но его не было. Но это ведь невозможно! Она же не может... вот так... просто... умереть?!

Виктор лихорадочно мял запястье Иры, пытался хлопать по щекам, даже делал искусственное дыхание — но пульса всё не было.

— Ненавижу тебя! Ненавижу! Ненавижу! — повторяла стоящая рядом Марина, рыдая у Максима на плече, и в эти мгновения Виктор как никогда раньше разделял её чувства, ненавидя себя не меньше.

А Ирина между тем умирала у него на руках. Кожа её леденела, синяки под глазами темнели, и Виктор не знал, что ещё можно сделать, чтобы жена пришла в себя. Он задыхался, чувствуя бесконечное бессилие перед лицом наступающей смерти...

... И, задохнувшись окончательно, вынырнул из этого сна под резкий и громкий звонок будильника...

Виктор

Он потёр лицо и сел на постели, непроизвольно сглатывая вязко-горькую слюну и ощущая, как сильно, непримиримо колотится сердце.

Виктор понимал, почему ему вновь приснился этот кошмар, в котором Ира умирала у него на руках. Умирала каждый раз — сколько бы ему это ни снилось. Абсолютно безжалостный сон... в жизни всё было немного иначе. Остановка сердца была совсем недолгой, и у Виктора получилось запустить его при помощи искусственного дыхания и непрямого массажа ещё до приезда скорой. Врач потом сказал, что его действия спасли Ире жизнь, но Виктор пропустил это мимо ушей. В конце концов, именно его действия у неё эту жизнь едва не отняли, и гордиться ему было нечем.

Горбовский встал и медленно побрёл на кухню, чтобы выпить воды — в горле было сухо, как в пустыне. Включил свет и зажмурился от его яркости, бьющей по уставшим глазам.

Выпил целый стакан прохладной жидкости, привыкая к освещению и хмуро оглядываясь, — видели бы грозного начальника сейчас его сотрудники... Виктор, крупный мужчина под два метра ростом, самому себе в эту минуту казался безумно жалким, крошечным и трусливым. На лбу до сих

пор выступала паническая испарина, и он знал, что так будет ещё какое-то время, пока он не отойдёт от приснившегося. Руки — огромные ладони, мясистые пальцы, кулаки величинной едва ли не с голову! — нервно дрожали, и стакан трясся, как будто Виктор был заправским алкоголиком. А ведь он не пил уже много лет, если не считать пары бокалов вина по праздникам. Разве похож он сейчас на человека, который руководит стоматологической клиникой и которого в коллективе считают строгим, но справедливым? Да ни разу. Скорее, на безмозглого червяка, который просрал в своей жизни всё, что только можно было просрать.

Виктор зло усмехнулся, глядя в окно, за которым мела метелью почти сказочная зима. Декабрь в этом году начался неожиданно — со снега по самые уши, и у кого-то наверняка уже было новогоднее настроение. Тогда как Горбовскому, глядя на всё это снежное великолепие, просто хотелось сдохнуть, и побыстрее.

В тот день, когда Иру увозили с инфарктом, погода была точно такая же. Он как сейчас помнил эти сугробы до неба, и снег, залепляющий колючими снежинками глаза, и пронзительный ветер, проникающий под пальто, как его ни запахивай, сколько шарфов сверху ни накручивай. Стыло... И в мире, и в душе — везде. И с тех пор погода ничуть не изменилась. Виктору так и казалось, что он по-прежнему живёт внутри зимы, будто он попал в снежный стеклянный шар. Только иногда всё вокруг было спокойно, а потом кто-

то встряхивал шарик — и начинался хаос.

Вчера как раз встряхнули.

Виктор звонил сыну раз в месяц. Всегда сам, потому что знал — Максим не позвонит ему первым никогда, даже если мир перевернётся. Он и на звонки-то отвечал только потому, что Ира попросила. А вот Марину оказалось бесполезно просить, она ничего не желала слушать, похоронив воспоминания о своём отце вместе с чувствами к нему. А потом Виктор узнал, что и она, и Максим, получая паспорта через несколько месяцев после случившегося в ювелирном магазине, решили поменять и фамилию, взяв девичью фамилию Иры, и отчество, превратившись из Викторовичей в Витальевичей. Так звали их дедушку, отца Ирины, офицера, погибшего при исполнении ещё до рождения близнецов.

Согласие он дал, но это было больно. Настолько больно, что Виктор потом неделю не мог работать. После смирился, посчитав это своим наказанием за совершённое преступление. Убийц сажают в тюрьму, а что делают с предателями? По закону — ничего. Но высшая мера наказания всё же не в законе, а где-то совершенно в других сферах, это Виктор теперь знал точно.

И да, вчера был его «дежурный» звонок сыну. Узнать, как дела и работа, как личная жизнь и вообще настроение. Суббота, около одиннадцати часов утра... Виктор думал, что Максим как раз дома — сын был уверенной совой, даже занятие себе выбрал соответствующее, работая администрато-

ром в ночном клубе.

Однако он ошибся — Максим явно был за рулём.

— Извини, пап, — сказал он, как только Виктор поздоровался. — Я занят слегка, к Ришке еду.

Каждый раз, когда Максим говорил «Ришка», это милое сокращение резало Виктора, словно ножом по губам. Его милая девочка, любимая дочка... У них всегда были очень тёплые отношения, Ира в шутку называла Марину папиным ребёнком.

Увы, всё это было разрушено до основания, и последний раз Виктор видел Марину много лет назад, в тот день, когда она заканчивала школу, — и то издалека. Впрочем, ситуация с Максом была не лучше. Сын соглашался на встречи крайне редко, не чаще пары раз в год. И то отказывался до последнего, используя любой предлог, чтобы не видеться с отцом.

— К Ришке... — повторил Виктор имя дочери, ощущая, как оно ласковым теплом щекает губы. И тут же забеспокоился: — А чего ты к ней едешь в субботу с утра пораньше? Что-то случилось?

— Нет, ничего. Всё в порядке.

Максим говорил спокойно, но Горбовский уловил в его голосе какую-то странную напряжённость. Так отвечают, когда есть, что скрывать.

— Макс, я тебя очень прошу, скажи мне правду, — попросил Виктор вежливо. — Я ведь не враг вам обоим. Да и волноваться буду, если ты не скажешь. Она же не обратится

ко мне за помощью...

— Пап, Марине не нужна помощь, — оборвал его монолог сын. — Всё у неё в порядке, отлично даже. И вообще у нас у всех всё в порядке. Твоими молитвами, что называется.

Виктор вздохнул. Он привык к подобным подколкам со стороны Максима, который так ничего и не забыл, и не простил, — но всё равно каждый раз становилось тошно и неприятно, словно ему вновь расковыряли едва зажившую рану.

— Макс...

— Хотя ладно, мне не жалко, — в голосе сына неожиданно появились ехидные нотки. — Ришку сегодня выписывают из роддома. Родила она.

А вот теперь уже — удар под дых...

— Родила?..

— Ага.

— К-к-кого? — еле выдавил из себя Виктор. Голова горела, мысли плавились, а в глаза будто бы кислотой плеснули.

— Человека, вестимо, — насмешливо хмыкнул Максим. — Ладно, пап, давай. Не хватало ещё мне из-за тебя в аварию попасть.

И бросил трубку.

Виктор

Родила...

Горбовский ошеломлённо сел на пол — ноги не держали.

Родила...

Значит, он теперь дедушка. У него есть внук. Или внучка? Впрочем, какая разница — нет никаких сомнений в том, что он никогда не увидит этого ребёнка. Марина не позволит. Удивительно, как она разрешила Максиму вообще упомянуть о нём... Впрочем, возможно, что и не разрешала, а просто забыла запретить. Беременность, гормоны... Могла и забыть. А вот то, что Марина наверняка попросила не говорить отцу о своём замужестве — это точно. Ну не родила же она без мужа-то? Скорее всего, и зять у Виктора имеется. А он и не в курсе...

Весь день Горбовский проходил как сомнамбула, едва не наткаясь на стены. От тоски и бессилия хотелось выть, но он знал, что не должен позволять себе подобное. Его дети давно выросли, по двадцать пять лет обоим, и пора бы привыкнуть, что они в нём не нуждаются. Да, пора бы...

Но совесть выла, в очередной раз разбуженная разговором с сыном, и Виктор маялся, не зная, как её уговорить. Он понимал, что разрушил всё собственными руками и про-

исходящее сейчас — только его вина. И сам себе не мог ответить на вопрос, заслуживает ли прощения. Что он сделал хорошего? Ирине и детям — ничего. С того самого дня, как они застали его, любимого отца и мужа, в ювелирном с любовницей, — ничего. Не считать же хорошим справедливый развод и то, что Виктор старался не мозолить глаза ни жене, ни детям. Да, если уж быть честным по отношению к самому себе, то необходимо признаться — ничего хорошего Горбовский не совершил, а вот плохого... да, его было более чем достаточно.

А теперь ещё и сон этот, из-за которого Виктор вновь погрузился в кошмар двенадцатилетней давности. Казалось бы — пора забыть, всё дела давно минувших дней. Но он не мог. Возможно, и забыл бы, если бы в его жизни были хоть какие-то радости, не считая работы. Другая семья, новая жизнь. Но... не сложилось. Ничего не сложилось, и всё, что было по-настоящему дорого, потеряно навсегда. Как тут забудешь?

Виктор налил себе ещё один стакан воды и выпил залпом, как водку, — словно поминал кого-то. Хотя почему же — словно? Поминал. Себя. Никчёмного мужичонку, который ради приступов похоти разрушил свою жизнь. Счастливую жизнь, обожаемую семью. И едва не убил любимую жену.

В комнате пришедшим сообщением пикинул телефон. Горбовский нахмурился и помотал головой — может, слышалось? Перед тем, как уйти на кухню, он смотрел на

экран мобильного и точно помнил, что там светились цифры — три часа ночи. Сейчас, наверное, половина четвёртого. Спам?

Виктор помыл стакан, ополоснул лицо, протёр лысую голову, постоял несколько секунд, склонившись над раковиной, будто бы его тошнило, а потом ушёл обратно в спальню. Взял телефон, поморщился, поняв, что сообщение в мессенджер пришло с неизвестного номера, и хотел даже сразу его удалить... но зачем-то открыл.

И задохнулся.

Сообщение состояло из одной только фотографии. И на ней была улыбающаяся Марина, державшая на руках крошечную маленькую девочку. Голенькую. Новорождённую.

Девочку.

Его внучку.

Виктор сипло вздохнул и почти рухнул на пол, расплакавшись, словно мальчишка.

Виктор

Сколько времени он сидел на полу и смотрел на фотографию, улыбаясь сквозь слёзы, Виктор не знал. Наверное, долго, потому что, когда наконец поднялся, спина немилосердно ныла, а задница и вовсе ощущалась как одна большая мозоль. Виктор немного подвигался, поделал упражнения, чтобы разогреть мышцы, а затем вновь открыл присланное сообщение.

Внучка... Её Горбовский видел впервые, но и Марину, считай, тоже. Со времён выпускного вечера, когда Виктор наблюдал за дочерью издалека, сидя в машине, чтобы не портить ей настроение своим видом, прошёл уже миллион лет. У Марины были страницы в социальных сетях, но без личных фотографий. И Максим никогда не присылал ему их, и не показывал.

Виктор помнил Марину вчерашней школьницей — очень юной и тоненькой темноволосой девушкой с серьёзными серо-голубыми глазами. В платье цвета морской волны, с оборками и блёстками. В то время он не имел понятия, ухаживают ли за дочерью молодые люди, но предполагал, что должны — Марина была очень симпатичной.

Теперь же она и вовсе казалась Виктору ослепительно

красивой, но уже не девушкой, а женщиной — с большой грудью, явно полной молока, ещё не опавшим до конца животиком, лунообразным лицом с мягкой и радостной улыбкой и глазами, полными искреннего счастья. Счастья матери.

И Виктор, глядя на дочь, изо всех сил взмолился — Господи, только бы муж у Марины не был таким мерзавцем, как он сам. Только бы ценил то, что имеет! Пусть у неё будет хорошая и верная семья.

Горбовский залез в постель, намереваясь всё-таки поспать ещё пару часов до утра, но сон не шёл. И причина была проста: незнакомый номер. Чей он? Кто послал Виктору эту фотографию?

Максим? Вряд ли — тому было бы проще использовать свой аккаунт. Он же прекрасно понимает, что отец никогда в жизни не расскажет, откуда у него эта фотография. Да и кому рассказывать? Марину Виктор не увидит, а больше некому.

Сама Марина? В это было невозможно поверить. Скорее земля и небо поменяются местами, и вместо солнца днём будет светить луна.

Ира?..

Горбовский, минутой ранее спрятавший телефон под подушку, резко и нервно вновь запустил руку туда же и достал мобильник обратно. Загрузил мессенджер, нашёл присланное сообщение и уставился на незнакомый номер в шапке.

Ира... Возможно ли это?

Виктор не представлял. Он последний раз разговаривал с

бывшей женой — точнее, тогда она ещё не была бывшей — ещё до случившегося в ювелирном магазине. Двенадцать лет назад. После выписки из больницы общаться с ним Ира не захотела, а он и не настаивал, опасаясь навредить её здоровью. И да, Ира тогдашняя вряд ли сжалилась бы над ним, не стала бы присылать фотографию Марины. Да она и не присылала. Ни одной — ни с выпускного вечера в школе, ни с празднований дня рождения дочери, ни со свадьбы. Виктор ничего этого не видел, словно не существовало у него больше дочери. Его Ришки, его самой любимой девочки, папиного ребёнка, который когда-то с восторгом слушал всё, что рассказывал Виктор. Скорее всего, это было желание самой Марины, но Ира и не стала её разубеждать. Да и как это сделать, если близнецы были уже достаточно взрослыми для того, чтобы самим сделать выводы и принять решение?

Виктор осторожно провёл кончиком пальца по незнакомому номеру, раздумывая, что делать. Тот, кто стоял за этим сообщением, прислал только фотографию и ни одного слова. Может, и Горбовскому следует промолчать?

Но он не мог. Он должен был выяснить наверняка.

Если это Ира... тогда почему? Почему она это сделала?

И Виктор, выдохнув сквозь зубы, стремительно напечатал, не давая себе шанса передумать:

«Ира?»

Виктор

Телефон молчал минуту, и Горбовский не выпускал его из рук, гипнотизируя экран и сжимая зубы от напряжения. Виктор самому себе казался полнейшим придурком сейчас, ожидая неизвестно чего от непонятно кого, но... иначе у него всё равно не получилось бы.

Наконец галочки посинели, а абонент стал «в сети». Но и всё.

Минута, другая... Да, сообщение было прочитано, но ответ не приходил, и надписи «печатает» не появлялось. Только горело «в сети».

Виктор почти не дышал, глядя на это словосочетание. Он откуда-то знал, что за ним скрывается она — Ира, его бывшая жена. И сейчас она просто сидит и раздумывает, стоит ли отвечать... Как он недавно думал, стоит ли вообще что-то спрашивать.

И вот, наконец...

Печатает...

Во рту сразу пересохло от волнения, в горле запершило, и Виктор кашлянул, пытаясь справиться с собой. Последний раз он настолько волновался, когда Иру оперировали. Но тогда был вопрос жизни и смерти, а сейчас что?!

И наконец ответ появился. Краткий и спокойный.

«Да».

Сердце у Виктора заполошно заколотилось, словно пыта-
ясь вырваться из грудной клетки, и он неосознанно положил
ладонь на грудь, на мгновение закрыв глаза.

Ира... Действительно она.

«Почему?» — напечатал Виктор и замер в ожидании. От-
ветит? Или нет?

Ответила...

«Решила, что ты захочешь увидеть внучку».

Горбовский сглотнул, несмотря на то что во рту по-преж-
нему было сухо. И глаза щипало...

Ира всегда была доброй и великодушной. Тогда, двена-
дцать лет назад, он всерьёз надеялся, что она сможет понять
и простить. Не смогла.

А сейчас, наверное, просто пожалела его, неприкаянного.

«Марина была против?»

«Да».

Без подробностей. Но раз так чётко ответила — значит,
наверняка пыталась поговорить об этом с дочерью.

«Как назвали?»

«Ульяной».

Виктор невольно улыбнулся и, промотав переписку
немного назад, вновь посмотрел на новорождённую девочку
на руках у Марины. Ульянка... Уля или Янка. Интересно,
что ей больше будет подходить?..

А ведь наверняка она вырастет, так и не познакомившись с ним.

От этой мысли стало настолько больно, что Виктор вновь сжал зубы до скрежета.

«А по отчеству?» — напечатал он, чтобы отвлечься. Хотя на самом деле — какая разница, как зовут его зятя? Никакой разницы нет. Но всё же...

«Борисовна. Королёва Ульяна Борисовна».

Виктор непроизвольно хмыкнул — надо же, такая маленькая, а уже Королёва Ульяна Борисовна. И, осмелев, решил спросить ещё что-нибудь, раз уж Ира отвечала. Да, кратко и только по делу, но отвечала ведь. Двенадцать лет молчала — и вдруг...

«А Марина тоже Королёва?»

«Да».

«А муж её тебе нравится?»

«Нравится».

«А его родители?»

«У него нет родителей».

Виктор поначалу оторопел, а потом с едкой горечью подумал — значит, у Ульяны вообще не будет дедушек...

«А сколько ему лет? И кем работает?»

«Он старше Марины на семь лет, ему тридцать два. Юрист».

Как в анкете... Ни одного лишнего слова.

Ну и пусть. Хоть так.

«А ты как?» — решился спросить Виктор после недолгих колебаний и разочарованно вздохнул, увидев краткий ответ: «Хорошо».

Хорошо, значит...

Хотелось написать: «А если хорошо, какого чёрта ты не спишь в четыре часа утра? Почему пишешь мне, человеку, который едва тебя не убил? И отвечаешь на вопросы, вместо того чтобы просто послать куда подальше?»

Но Виктор ничего этого не написал. Полюбовавшись ещё раз на фотографию Марины и Ульяны, он просто отложил телефон, лёг на подушку и закрыл глаза.

Сон не шёл долго, но когда наконец явился, то накрыл Горбовского мягким облаком без всяких сновидений, словно сжалившись над этим мужчиной, у которого во всём мире не осталось ни одного родного и близкого человека.

Виктор

Проснулся Виктор через два часа — оттого что сосед решил посверлить у него над головой. Чертыхнулся и раздражённо выругался, вспомнив, что сегодня воскресенье и сверлить нельзя вообще. И даже обрадовался немного — сейчас он оденется и скажет этому мужику всё, что думает и не думает. Может, после этого станет легче?

Однако, пока Виктор умывался и одевался, дрель затихла, и Горбовский тоже остыл. Выпил кофе, растворимый и отвратительно-мерзкий, съел бутерброд с колбасой, при этом постоянно косясь на экран телефона — но аппарат молчал. Последним сообщением было «хорошо» Иры, а затем тишина. И кто бы знал, как она тяготила Виктора...

Хотелось продолжить диалог, спросить что-нибудь — что угодно! — но Горбовский не знал, какой вопрос можно задать, чтобы Ира не закрылась от него и не отправила его номер в чёрный список. Всё более-менее нейтральное он уже спросил. Если только попросить её, словно какую-то шпионку, прислать ещё фотографий Марины и Ульяны. И со свадьбы фотографии тоже увидеть бы. Но это не диалог. На подобную просьбу Ира наверняка просто ответит: «Ладно» — и замолчит. А Виктору хотелось с ней поговорить.

Допив свой тошнотворный кофе, Горбовский подошёл к окну и выглянул во двор.

Виктор всегда терпеть не мог зиму за холод, пробирающий до костей, но вот такую зиму не любил особенно. Дороги замело так, что, если бы он не знал, где у него во дворе газон, а где тротуар, ни за что бы не догадался. И коммунальные службы, как обычно, чистить ничего не спешили — воскресенье же!

Хорошо хоть снегопад закончился. И ветра, кажется, нет. Можно и прогуляться немного, размять ноги. Какой бы мерзкой ни была погода, сидеть дома — ещё хуже.

Виктор быстро оделся и вышел на улицу. Сразу же поморщился — минус двадцать градусов ударили, словно кулаком в лицо, моментально уничтожив даже намёк на тепло. Горбовский, сдавленно выругавшись, натянул на свою лысую голову шапку, потом надел перчатки — и неожиданно улыбнулся, вспомнив, как каждый раз ворчала Ира, когда зимой он приходил с улицы без этих обязательных атрибутов.

— Я капюшон надеваю, — отмахивался Виктор. — А в перчатках неудобно. И вообще я в перчатках на работе хожу, они мне ещё там осточертели.

В то время ему не часто было холодно — наверное, потому что дома всегда было тепло и душевно. Было где погреться. А сейчас нет.

Проигнорировав машину, Горбовский быстрым шагом отправился вниз по улице, понятия не имея, куда направляет-

ся. Просто нужно было куда-то идти, чтобы не замёрзнуть, а куда — не так важно. Метро там в любом случае найдётся, на нём и вернётся обратно.

Чтобы не замёрзнуть, Виктор шёл так быстро, что минут через пятнадцать ему даже стало жарко, и он остановился. Сам не понимая зачем, но достал телефон, ещё раз посмотрел на фотографию Марины и Ульяны, на ночную переписку с Ирой... Тяжело вздохнул и убрал мобильник обратно в карман.

Теперь, спустя двенадцать лет, он точно мог сказать, в какой момент всё разрушил. И по какой причине. Но толку-то?

Собственные выводы о сделанных ошибках к делу не пришьёшь. И семью осознанием своей вины вернуть невозможно, как невозможно воскресить убитого. А именно так Виктор теперь воспринимал любую семью — как живой организм, который можно уничтожить.

Вот он и уничтожил. Не учёл только, что сам тоже являлся частью этого организма. Вот и получилось, что заодно Виктор убил и себя.

Виктор

Он познакомился с Ирой, когда им обоим было по девятнадцать лет, — на дне рождения однокурсницы Виктора Маши Вронской. Ира была её одноклассницей и лучшей подругой, но пошла не в мед, а на филфак. Они обе были из другого города, только Маша жила в Москве у отца (её родители были в разводе), а Ира — в общежитии.

И первое, что сделал Горбовский, когда увидел серьёзную худенькую девочку с заплетёнными в косичку каштановыми волосами и спокойными светло-серыми глазами, — это сказал в насмешку:

— И чем ты будешь заниматься после своего филфака? Стихи писать?

Ира поджала губы и, фыркнув, отвернулась, а потом и вовсе отошла, примкнув к другой компании. Маша, слышавшая фразу Виктора, покрутила пальцем у виска и округлила глаза:

— Горб, ты совсем придурок, что ли?

— Ну а что? — Он хмыкнул, стараясь не показать, насколько ему неприятно, что эта девчонка даже не стала отвечать. — Разве филфак — это профессия? Чем после института заниматься-то?

Маша покачала головой и припечатала:

— Точно, совсем придурок.

Она тоже отошла, и Виктору стало совсем обидно. Ну серьёзно, что он такого сказал? Хотел же как лучше. Может, эта девчонка одумается, пока не поздно, и поступит в другой вуз? Хотя... откуда он знает, вдруг она из этих... которые вообще не хотят работать, а мечтают только выйти замуж?

Смешно сказать, но Виктор решил проверить собственную теорию: отвёл не слишком довольную Иру в сторону от остальных болтающих ребят, извинился и пригласил на свидание. Всерьёз думал, что клюнет, предполагая, что Маша рассказывала подруге о нём, парне из обеспеченной семьи врачей-хирургов. Сама-то девчонка точно была небогата — это Виктор видел и по одежде, и по манерам. Не было в ней ни лоска, ни пафоса.

— Нет, спасибо, — отказалась Ира, иронично улыбнувшись. — За извинения спасибо, я имею в виду. А остального не надо.

— Почему? — удивился Виктор. Чем он плох? В то время он ещё не был лысым, даже наоборот — на голове красовались шикарные тёмные кудри. Высокий рост, телосложение спортивное, мощное, как у атлета, черты лица крупноваты, но точно не урод. Да и, как говорила мать Горбовского, «мужчина должен быть чуть симпатичнее обезьяны». Кроме того, по Виктору точно было видно его финансовое положение. На это он, собственно, и рассчитывал.

Но Ире это самое положение оказалось до лампочки.

— Ты мне не подходишь, — она пожала плечами и, пока Горбовский пытался придумать ответ, упорхнула. Маленькая, ниже него на голову, тощая с косичкой девчонка в простом ситцевом сарафане и белых сандалиях. Не красавица — это точно. Хотя и симпатичная. Так чего же она строит из себя?!

Виктора это задело. И он потратил целую неделю, обрабатывая Машу на предмет того, чтобы она дала ему адрес общаги, в которой живёт Ира. Маша крыла его матом и лупила учебниками по голове, но в итоге сдалась. Сказала только:

— Обидишь её — и станешь моим личным врагом, Горб. Учти это!

Он тогда не собирался обижать, хотел только поухаживать. Но немного опоздал — Ира, сдав сессию досрочно, укатила в родной город до самой осени, помогать матери и младшему брату, который в следующем учебном году должен был пойти в третий класс. Их отец погиб год назад, и Ира всерьёз рассматривала возможность бросить институт и вернуться, но мама её отговорила. Сказала, что бросить всегда успеется, а вот получить образование — нет. И Ира осталась в Москве, а её мама и младший брат Толик — в Калуге.

Виктор сам не понимал, зачем это делает, но он, завершив собственную сессию, собрался и поехал в Калугу, никому, кроме родителей, об этом не сообщив. Адрес Иры у него был — спасибо Машке, — и Горбовский, сняв квартиру, пришёл

к дому девушки и сел у подъезда.

Ждать пришлось долго. Ещё и на улице была такая жара, что Виктор через час ощутил себя беляшом на раскалённой сковородке. Только вместо масла — пот, и настолько много, что Горбовский всерьёз стал раздумывать, не стоит ли ему убраться подобру-поздорову и поскорее, пока не пришла Ира и не унюхала всё то, что чувствовал он сам.

Но не успел.

Ира, её мама и младший брат вдруг вынырнули из-за угла дома. Они шли, оживлённо о чём-то переговариваясь, но в руках у всех — даже у мелкого Толика — были тяжёлые сумки.

И Виктор подорвался со скамейки, подбежал и, выпалив: «Давайте я вам помогу!», принялся едва ли не выдирать сумку из руки Ириной мамы.

— Эй! — возмутилась женщина, не собираясь отдавать драгоценные покупки. — Обалдел? Прекрати меня дёргать!

— Витя? — удивлённо охнула Ира, и он замер, услышав её голосок. За прошедшее с последней встречи время Виктор забыл, какой он у неё красивый, ласковый и мягкий, словно прикосновение пушистого котёнка. — Ты что здесь делаешь?

— Ты знаешь этого парня, Иринка? — Мать девушки наконец выдрала у Горбовского свою сумку и посмотрела на него с явным неодобрением. — Не помню его среди твоих одноклассников.

— А он и не одноклассник, — пробормотала Ира растерянно. — Он... э-э-э... из Москвы...

Она запнулась, явно не зная, что ещё сказать, дабы объяснить, кто такой Виктор. Однако как тут объяснишь? Не говорить же — никто?

— А давайте потом разберёмся? — предложил Толик, вздохнув. Несмотря на то что ему недавно стукнуло десять, он был на редкость спокойным и сообразительным ребёнком. — Не знаю, как вы, а лично я очень хочу есть.

— И я, — неожиданно вырвалось у Виктора. А что? Он здесь три часа сидел, обливаясь потом, а утром даже не позавтракал! Поэтому есть действительно хотелось.

— Вот ты нахал, — то ли возмутилась, то ли восхитилась мама Иры. — Ладно, пошли. И на, сумку возьми. Раз уж вылезся...

Виктор с радостью подхватил ношу Ириной родительницы и самой девушки и зашагал рядом с ними к подъезду.

Его в этот день и накормили, и напоили, а потом отправили на улицу, причём не одного, а вместе с Ирой. Под предлогом того, что в доме закончилась мука, хотя Виктор готов был поклясться, что своими глазами видел целый двухкилограммовый пакет на одной из полок.

— Ну и зачем ты приехал? — вздохнула Ира, нахохлившись, когда они вышли из подъезда и пошли к продуктовому магазину. — Тебя вроде никто не звал.

Всё то время, что они просидели в квартире, она хмуро

молчала и смотрела на Виктора так, что у него моментально портилось настроение. Нет, ну чем он ей не угодил-то?!

— Если приезжать только когда зовут, ничего в жизни не добьёшься, — буркнул Горбовский. — А я хочу тебя добить-ся.

— Зачем? — ещё сильнее нахмурилась Ира.

— Нравишься.

Она фыркнула и закатила глаза.

— Так я же учусь на филолога!

— Я извинился! — Едва не рявкнул Виктор. — Я сказал глупость! А знаешь почему? Потому что я в тебя с первого взгляда втюрился, как последний дурак!

Ира вытаращилась на него, открыв рот, и едва не полетела носом в асфальт. В последний момент Горбовский подхватил её под локоть, помог выпрямиться и продолжил, глядя в недоумевающие светло-серые глаза:

— Я тебе клянусь — ты мне нравишься, без всяких подводных камней. Я хочу с тобой встречаться. Давай сходим куда-нибудь вместе? Тебя ведь это ни к чему не обяжет. Не понравлюсь — дашь отставку.

Ира продолжала смотреть на него с недоверием, и Виктор вновь рассердился.

— Да что я такого сделал-то, что ты на меня смотришь как на фашиста какого-то?! Неужели ты никогда не говорила глупостей, о которых потом жалела? Наверняка ведь говорила!

Она кивнула и наконец отмерла.

— Ладно. Давай сходим. Только куда?

Вот тут Горбовский и растерялся. Он был настолько сосредоточен на том, чтобы просто уговорить Иру на свидание, что как-то забыл обо всём остальном. И не продумал, куда её поведёт.

— Э-э-э... Ну, я в твоём городе ничего не знаю... Может, посоветуешь?

— Витя... — простонала Ира и, хлопнув себя ладонью по лбу, очаровательно и очень искренне рассмеялась.

Виктор

Вспоминать то время было приятно, хоть и немного больно. Прошло чуть больше двадцати пяти лет, и всё изменилось. Давно не было в живых Ириной мамы, сердобольной Натальи Никитичны, которая шипела в лицо Виктору проклятья, когда Иру повезли на операцию, и Толя давно вырос и женился, превратившись из мальчишки в уверенного в себе мужчину. Хотя Виктор не видел его двенадцать лет, но отчего-то не сомневался, что у брата бывшей жены всё отлично. Он всегда был из тех рассудительных людей, которые способны выбраться из любого переплёта.

То лето Горбовский провёл в Калуге, и оно было чудесным, хотя ухаживание продвигалось медленно — Ира никак не хотела сдаваться на милость победителя. Несмотря на то, что уже на третьем свидании Виктор с радостью понял: он ей нравится, и сильно. Однако Ира не спешила подпускать его близко к себе. Гуляла, разговаривала, позволяла брать за руку, но даже просто целовать — ни-ни.

Он понял почему только спустя два месяца, когда они всё-таки переспали. Случилось это перед самым отъездом в Москву, и у Виктора было ощущение, что Ира с ним подоб-

ным образом прощается. Откуда это ощущение взялось, он понять не мог — девушка была нежной и ласковой, хоть и смущалась: всё-таки Виктор стал для неё первым мужчиной, и не стесняться не получалось. Не привыкла она к откровенным ласкам и поцелуям, и Ире всё время казалось, что она делает что-то не так.

А Виктор просто был счастлив. Он уже тогда понял, что любит эту девушку до безумия и обязательно женится на ней — осталось только уговорить...

А потом они вернулись в Москву, и Горбовский сразу ринулся решать проблемы совместного проживания — сообщил родителям, что желает пожить отдельно, снял квартиру, купил букет цветов и потопал к Ире в общежитие.

Виктор столкнулся с ней и ещё двумя девушками буквально в дверях — он заходил, а они выходили. И Ира, увидев его, удивлённо выдохнула:

— Ты?!

Горбовский поднял брови, не осознав, что её удивляет.

— Я, — кивнул и попытался пошутить: — А ты ждала кого-то другого?

— Нет, но... — Ира неуверенно оглянулась на своих спутниц, которые смотрели на неё и Виктора с таким любопытством, будто им показывали увлекательный кинофильм. — Девочки, я, наверное, с вами не пойду...

— Да мы уж поняли, — хмыкнула одна из них и, подхватив вторую под локоть, быстро удалилась вместе с ней, тихо

хихикая. Потом и Виктор, осторожно взяв Иру за руку, пошёл прочь от общежития. Букет он почему-то так и не подарил, продолжая сжимать его во второй руке и ощущая себя... странно. Как незванный гость, который непонятно зачем пришёл.

И через пару минут, когда они с Ирой молча вошли в сквер неподалёку от общежития, не выдержал и поинтересовался:

— Слушай, что это такое было? Почему ты отреагировала, словно я не должен был приходить?

Девушка залилась смущённым румянцем, виновато покосилась на Горбовского и, вздохнув, ответила:

— Потому что ты добился того, чего хотел, — я с тобой переспала.

Виктор настолько поразился услышанному, что встал посреди аллеи как вкопанный, выпучив глаза.

А потом вдруг словно включился и, разозлившись, выпалил:

— Так вот почему у меня было ощущение, что ты со мной прощаешься, когда мы... — Он сжал зубы и со злостью впихнул Ире в руки букет. Пара ярко-алых лепестков от этого резкого движения слетели вниз и упали на асфальт. — Ну, знаешь ли! Ты за кого меня принимаешь вообще?!

— Извини, — покаялась Ира. Глаза её постепенно наполнялись слезами. — Просто ты... обеспеченный, ещё и москвич. Зачем я тебе?

— Совершенно незачем! — заявил Виктор, рассерженно пыхтя. — Абсолютно! Не считая того факта, что я тебя люблю и хочу на тебе жениться!

— Правда? — всхлипнула Ира и, неожиданно расплакавшись, кинулась ему на шею.

Виктор сразу перестал сердиться. Обнял её и проворчал:

— Да, очень люблю и очень хочу. Я вот тут квартиру нам снял. Будешь со мной жить?

— Буду, — она кивнула. И Горбовский совсем осмелел.

— И в загс пойдём?

— Когда? — вместо того чтобы обрадоваться, Ира перепугалась. — Сейчас?

— Необязательно. Когда ты будешь готова, тогда и пойдём.

Она сразу успокоилась.

— А-а-а, ну ладно тогда. Вить... — закусил губу, посмотрела неуверенно. — А твои родители? Они... не против?

— С чего они будут против? — удивился Горбовский. — Они у меня мировые. Хочешь, прямо сейчас пойдём и познакомимся?

Ира вновь перепугалась.

— Ой, я не знаю... Я, наверное, не одета...

— Не голая — значит, одета. — Виктор хмыкнул, выпустил девушку из объятий и вновь взял за руку. — Пойдём, и правда надо познакомить тебя с ними, они сегодня выходные как раз. Тем более что это мой отец снял нам квартиру.

Ира родителям Виктора понравилась, даже более чем. Возможно, потому что они никогда не находились в плену стереотипов о том, что приезжие девушки обязательно должны охотиться за женихами, да и сами не были коренными москвичами. И потомственными врачами, считающими, что сын должен обязательно жениться на девушке их профессии, — тоже. Поэтому Иру, милую и спокойную отличницу с филфака, приняли благосклонно.

И буквально через несколько дней она переехала жить к Виктору.

А через год выяснилось, что Ира беременна...

Виктор

С неба вновь посыпались пушистые белые хлопья, да так стремительно, что вскоре дорогу, по которой шёл Горбовский, перестало быть видно. Тогда он остановился и огляделся, пытаясь понять, куда двигаться дальше.

Слева находилась проезжая часть — Виктор слышал шум машин, различал их стремительно мчащиеся мимо силуэты, отблеск фар. А справа был жилой дом, высокий и длинный, на первом этаже которого располагался какой-то магазин. Или это ресторан?

Горбовский подошёл ближе и удивлённо присвистнул. Да, неожиданно... И как он умудрился, вспоминая о прошлом, прийти именно к тому месту, где жили они с Ирой больше двадцати пяти лет назад? Рядом с этим домом Виктор как раз и снимал квартиру, и в этом ресторане они частенько обедали или ужинали. Правда, в то время он выглядел как-то попроще и назывался по-другому... Горбовский с удивлением осознал, что не помнит название. Сейчас же на вывеске было написано «Аквариум», и Виктор, приглядевшись, заметил в глубине помещения большой аквариум с какими-то рыбками.

Может, зайти, погреться? Заодно выпить нормального ко-

фе, а то от утренней бурды до сих пор во рту мерзко, как будто туда кошки нагадили. И поесть чего-нибудь существенней и вкуснее бутерброда с колбасой.

А как готовила Ира... Виктор прикрыл глаза, переживая горькую волну воспоминаний о невообразимых запахах с кухни в то время, когда у него была семья. Был уют. И никакого растворимого кофе по утрам, и обычных бутербродов тоже. Ира всё время придумывала что-нибудь интересное, пробовала новые блюда. И бутерброды он ел, только когда его жена болела.

Виктор, стряхнув с себя оцепенение, решительно толкнул входную дверь и под звон колокольчика вошёл в ресторан. На него сразу пахнуло теплом и ароматом свежей горячей еды, от которого рот моментально заполнился слюной. Да, пожалуй, это он удачно зашёл...

Вежливая молодая администратор усадила Горбовского за один из дальних столиков, подала меню, и Виктор погрузился в изучение ассортимента. Выбрал он быстро — никогда не страдал в подобных случаях долгими раздумьями, — сделал заказ, а затем вновь достал мобильный телефон. Ещё раз посмотрел на фотографию Марины и Ульяны, перечитал переписку с Ирой... даже пальцы зачесались — так захотелось написать ей что-нибудь, задать абсолютно любой вопрос. Хоть даже совершенно тупой: «Чем занимаешься?»

Но Виктор сдержался. Теперь он гораздо лучше умел сдерживать собственные порывы. Не то что раньше.

Выглянул в окно и хмыкнул — мело по-прежнему так, что земля и небо смешались в единое целое. Отвратительная погода.

А вот Ира любила зиму. И когда они жили вместе, Горбовскому тоже почти нравилось это время года, особенно праздники. Жена развешивала по квартире гирлянды и украшения, ставила большую ёлку в гостиной, а в комнатах Марины и Максима — по маленькой. И готовила каждый день что-нибудь новогодне-рождественское — то утку по особому рецепту, то салат, то печенье, то торт пекла. И Виктор, глядя на всё это, как-то забывал о том, какая за окном погода. Главное, что дома она была прекрасная. «Важней всего погода в доме», как говорится...

Зато теперь зима выводила Горбовского из себя уже в декабре. Как сегодня и накануне. Зимой настроение у него почти круглосуточно было на нуле, и только весной потихоньку начинало подниматься вверх. Но до весны ещё ой как долго...

Наконец принесли заказ — жирный борщ с пампушками, и Виктор накинулся на него так, словно не ел минимум полгода. Вкусно, да... Но у Иры было вкуснее. Правда, не сразу — поначалу, когда они только начали жить вместе, она ещё училась готовить, и многое получалось не идеально. Однако Ире так хотелось радовать Виктора, что она продолжала упорствовать — пробовала новые блюда, разные рецепты, покупала кулинарные книги. У них дома была целая полка

подобных книг... Ира часто говорила, что рецепты оттуда гораздо лучше, чем из интернета. Впрочем, в то время, когда они были студентами, никакого интернета у них ещё не было.

Ира забеременела, когда они с Виктором учились на четвёртом курсе. Эта новость сразила обоих своей неожиданностью, но ни о каком аборте речи даже не шло. Они моментально побежали в загс расписываться, и, как только сообщили новость родителям Виктора, его отец хлопнул ладонью по столу и сказал:

— Всё, хватит на съёмной квартире жить. Поможем вам с жильём.

И действительно помог — купил им квартиру. Небольшую двушку, которую Виктор через несколько лет поменял на более просторную трёшку. Вот так и получилось, что они с Ирой уехали из этого района, где он сейчас находился, в другой, ближе к родителям.

И всё-таки, как же назывался тогда этот ресторан?..

После борща принесли жаркое в горшочке, и, когда Виктор съел и это блюдо, на него напала сонливость. Он лениво цедил кофе, откинувшись на спинку дивана, и рассматривал немногочисленных посетителей ресторана. Молодые парень и девушка явно на свидании, пожилой мужчина с ноутбуком, семейная пара с двумя детьми-подростками и одинокая женщина в красном платье за дальним столиком.

Сердце пропустило удар, и сонливость как рукой сняло.

Женщина сидела слишком далеко для того, чтобы можно было её рассмотреть, но как же с подобного расстояния она была похожа на Иру! Только причёска другая, Ира всю жизнь, сколько Виктор её помнил, ходила с косой. А на голове у этой женщины было аккуратное каре, и оттенок волос казался чуть темнее, чем у Иры. Но лицо — нос, губы, брови, лоб, подбородок — всё было её.

Виктор не мог оторвать глаз от профиля женщины, сидел, задержав дыхание, и вглядывался, вглядывался... Неужели действительно она? Вряд ли, таких совпадений не бывает. Скорее, просто очень похожа.

Но кем он будет, если не проверит?

Горбовский поднялся и, не взяв с собой недопитый кофе, медленно пошёл по направлению к столику, за которым сидела незнакомка. И чем ближе он подходил, тем сильнее она становилась похожа на Иру... хотя сильнее уже было невозможно.

А потом она, будто уловив его движение боковым зрением, обернулась — и Виктор остановился, сражённый абсолютным узнаванием женщины, которая находилась теперь уже в двух шагах от него.

Ира. Действительно — она...

Виктор

Мгновение Горбовский думал, что встреча не была случайной, — но на лице Иры, когда она осознала, кто стоит перед ней, отразилось такое искреннее изумление, что он отнёс эту мысль как бредовую.

— Привет, — сказал Виктор осторожно и нервно улыбнулся. Точнее, даже дёрнул губами — не до улыбок ему было сейчас. — Я... могу сесть с тобой?

Удивительно, но на лице Иры не отразилось ни малейшей неприязни. И когда она кивнула после этих его слов, то будто бы даже не задумалась. И взгляд её не наполнился презрением. Удивлением — да, но больше никаких эмоций в нём не было. Ни радости, ни отвращения — ничего.

Виктор сел напротив и только собирался задать следующий вопрос, как к нему подскочила официантка.

— Прошу прощения, — девушка держала в руках чашку с его кофе. — Вы не допили...

— Да, спасибо, — Горбовский благодарно кивнул. Про кофе он совсем забыл, но промочить горло хотелось.

— Что-нибудь ещё? — вежливо поинтересовалась официантка, поставив чашку перед Горбовским и выпрямившись. — Может, десерт?

— Нет, — он покачал головой и замер, когда Ира сказала:

— А мне принесите, пожалуйста. Штрудель с вишней и обычный чёрный чай.

Господи... Двенадцать лет Виктор не слышал её голос. Двенадцать лет...

А он всё такой же, каким был в молодости. И точно так же действует на него — словно прижавшийся к телу пушистый котёнок.

— Ты по-прежнему любишь вишню, — улыбнулся Виктор, кашлянув, когда официантка отошла.

— Ничего не изменилось, — ответила Ира спокойно, не отводя глаз, но в ответ не улыбнулась. И эта фраза — «ничего не изменилось» — сразу приобрела двойное дно.

Действительно, между ними ничего с тех пор «не изменилось». Абсолютно...

— Я сюда случайно зашёл, — решил всё-таки объяснить Виктор. — После вчерашнего... точнее, ночного... Отправился гулять по городу. И как-то умудрился добродить до этого ресторана. Не помнишь, как он назывался в то время?

— Помню. «Штрудель».

— Точно... Тогда штрудели здесь были вкусные. А сейчас?

— Не знаю. Вот как раз и попробую.

Ира отвечала невозмутимо и кратко — так же, как и ночью, когда Горбовский сыпал на неё своими вопросами. И от этой безэмоциональности, граничащей с безразличием, Вик-

тору стало плохо.

Хоть бы вновь увидеть в глазах Иры искорку ласкового тепла... Как раньше. Тогда в её взгляде отражалась любовь. Всегда отражалась, каждый день и час, каждую секунду. Но Виктор этого даже не осознавал... Не понимал, что обладает чудом. Что ему колоссально повезло в жизни встретить настоящую глубокую любовь. Он просто не думал об этом... до тех пор, пока не потерял.

Но нет, не может Ира быть настолько безразлична сейчас к нему... Для чего-то ведь она шла сюда, в этот ресторан? Ещё и в красном платье...

— А ты... кого-то ждёшь? — выпалил Виктор, внезапно осознав, что действительно мог помешать. И чуть не умер, когда Ира неожиданно усмехнулась. Иронично и немного ядовито, но всё же — это было уже больше, чем безразличие.

— Ты ни капли не изменился, — сказала она это тем не менее абсолютно ровно. И глаза не потеплели. — Всё такой же — сначала делаешь, а потом думаешь.

— Ты права, — Виктор кивнул, и не думая отрицать очевидное. — Мне и в голову не пришло, что ты можешь... быть занята. Я просто увидел похожую на тебя женщину, захотел проверить, встал и пошёл. А потом уже не мог остановиться.

Ира смотрела на него с холодной внимательностью, и ничто в её лице не говорило ни о малейшем волнении. Хотя Виктору, когда он представлял их возможную встречу раньше, всегда казалось, что бывшая жена будет нервничать и

дёргаться, попытается быстро убежать. Но ничего подобного. Ира вообще не дёргалась, сидела ровно, как влитая, и даже не думала убежать.

— Беру свои слова назад, — вдруг продолжила она, вновь усмехнувшись. — Ты всё же изменился. Раньше на подобное замечание ты обязательно вспылil бы.

— Не отрицаю. Но... ты не ответила. Ты кого-то ждёшь?

— Нет.

Кратко, ясно и чётко. Без эмоций. Но...

— Тогда почему... — Виктор задохнулся: его в отличие от Иры эмоции захлёстывали. От отчаяния до острой, безнадёжной влюблённости в собственную жену. Бывшую жену. — Почему ты... здесь?

— Я снимаю квартиру недалеко отсюда. Решила пройтись, увидела знакомые места и зашла. А платье, потому что вечером иду в театр. Не хотелось возвращаться для того, чтобы переодеться.

Теперь ответ не был кратким, но тоже — чётко и по существу. Однако в нём было за что зацепиться, чтобы задать дополнительные вопросы, которые так хотелось задать.

Но в этот момент принесли заказ Иры, и Горбовскому пришлось подождать с дальнейшими расспросами. Официантка поставила перед его бывшей женой чашку с чаем и тарелку со штруделем, пожелала приятного аппетита и удалилась. В воздухе сразу аппетитно запахло сладкой выпечкой — уютно и умиротворяюще. И этот запах отчего-то придал

Виктору немного смелости.

— Снимаешь? — повторил Горбовский осторожно. Главное: не спугнуть Иру своей настойчивостью. — Но... я ведь оставил вам нашу квартиру...

Слово «нашу» резануло ножом по сердцу, и рана моментально наполнилась кровью, засадила. Горбовский непроизвольно поднял руку и положил ладонь на грудь.

«Нашу»... Давным-давно они с Ирой называли себя «мы», и всё, что находилось вокруг, было «наше». Сколько же тепла, счастья и радости в обычных местоимениях, оказывается. А он и не знал об этом когда-то.

— Оставил, — подтвердила Ира с прежней невозмутимостью. — Но мы с Максом и Ришкой не могли там жить. Я её продала, купила новую. Там сейчас живут Марина с мужем, не хочу им мешать. Макс — тем более. У него новая девушка, они только начали жить вместе. Ты же в курсе, что он взял ипотеку? Ты вроде бы помогал ему с первым взносом.

— Да. В курсе. — Горбовский вздохнул. Вновь стало неприятно — он ощущал себя выброшенным на обочину жизни и совершенно ненужным предметом. — Но не совсем. Про новую девушку не в курсе.

— Я и сама недавно узнала. Макс вчера с ней на выписку к Ришке приезжал, а до этого ничего не говорил. Вроде как боялся сглазить.

— Сглазить? — Виктор поднял брови. — А он верит...

— Верит, — спокойно кивнула Ира, и Горбовский не стал

спорить: ей виднее. Он-то, кажется, не слишком в курсе, во что верят и чем живут его дети.

— А как её зовут? И где работает? Я про девушку Макса.

— Я поняла, что не про Ульяну. Её зовут Лера, она работает барменом в клубе Макса. — Ира потянулась за сумкой, достала из кармана мобильный телефон и протянула его Виктору. — Держи. Зайди в «галерею», посмотри вчерашние фотки. Там много ещё.

От волнения темнело в глазах, и Горбовский с трудом набрал пароль. Уточнять, какой он у Иры на телефоне, не стал — понимал, что дату рождения близнецов Ира поменяет только в случае крайней необходимости. И точно, пароль был прежним.

А через минуту Виктор словно куда-то улетел, погрузившись в жизнь своей давно потерянной семьи, жизнь, которая была ему доступна теперь только на фотографиях...

Виктор

Слёзы удалось сдержать с трудом. С огромным трудом. Его ночью пробила и одна фотография, а сейчас их было около сотни. И все такие... светлые, счастливые. Но ему в этом счастье не было места.

Марина с Ульяной и мужем — симпатичным гладко выбритым брюнетом в джинсах и шерстяном вязаном свитере. Марина с Ульяной, братом и его девушкой. Марина с Ульяной и Ирой. Ульяна в кроватке, Ульяна голенькая на пеленальном столике. Марина, кормящая дочку грудью...

Виктор не знал, сколько прошло времени, прежде чем он отложил телефон бывшей жены. Но она успела и съесть свой штрудель, и целиком выпить чай. Теперь сидела, откинувшись на спинку дивана, и задумчиво-спокойно смотрела в окно.

Метель заканчивалась, и начинало темнеть, на улице уже горели фонари. На проезжей части наконец появилась снегоуборочная машина. Загребая снег большим ковшом, она медленно двигалась вперёд.

— Спасибо, — вздохнул Виктор, и Ира отвернулась от окна. Посмотрела на бывшего мужа, взяла в руку свой телефон и кивнула.

— Не за что.

Убрала аппарат обратно в сумку, и Горбовский, неожиданно ярко и резко ощутив, что Ира собирается прощаться, выпалил:

— Есть за что. Я много лет не видел Марину. Последний раз, не поверишь, когда у неё был выпускной вечер.

— Выпускной? — переспросила Ира, глядя на него с недоумением. — Не помню, чтобы ты приезжал...

— Я приезжал. Но не выходил из машины, сидел у вашего подъезда. Просто хотел увидеть Ришку. Но не желал портить ей настроение, поэтому не показывался на глаза.

Ира несколько секунд молча и задумчиво смотрела на Виктора, будто принимала решение. И пока она раздумывала, он сам решил заговорить о том, что его волновало, открыл рот...

— Не проси прощения, — вдруг спокойно сказала Ира, и у Виктора слова застряли в горле. Откуда, как она поняла?.. Ведь именно это он и собирался сделать.

— Почему? — почти прошептал, сдавленно и расстроено. Он так и не попросил у Иры прощения двенадцать лет назад и мучился из-за этого. Хотел сейчас, момент казался подходящим, но...

— В этом нет смысла. — Она пожала плечами. — Это дела давно минувших дней. Ты сделал то, что хотел сделать, я это пережила. Всё. Если ты хочешь попросить прощения для того, чтобы услышать, что я тебя прощаю, то не утруждай-

ся — по-моему, то, что я сижу с тобой за одним столиком, красноречиво и без лишних слов.

Грубо и решительно. Раньше Ира не была такой. Он вообще не узнавал её сейчас. В его памяти она осталась милой и нежной, очень мягкой и доброй. И та Ира, конечно, выслушала бы всё, что он собирался сказать. А эта... нет, она слушать не собиралась.

— Считаешь, что «прости меня» — лишние слова?

— Определённо. — На губах Иры появилась ироничная и немного скептическая улыбка. — Это демагогия, Витя. Слова ничего не стоят. Поступки — да, слова — нет. Ты можешь сколько угодно извиняться, а я — сколько угодно прощать или не прощать, но от этого не изменится тот факт, что семьи у нас больше нет. И ладно бы только у нас... У детей нет отца, у Ульяны — дедушки. Вот об этом надо думать. — Ира решительно поднялась из-за стола. — Всё, мне пора.

— Я тебя провожу, — Горбовский вскочил следом, ожидая возражений, но Ира молчала. Молча надела тёплое шерстяное тёмно-синее пальто, шапку и шарф, приняв помощь бывшего мужа, и вышла на улицу, не обращая внимания на Виктора, который тенью шёл следом.

— А мы вроде не расплатились, — вдруг вспомнил Горбовский, и услышал тихий смешок.

— Я попросила счёт, пока ты смотрел фотографии. Ты просто не заметил.

— Ты и за меня заплатила? — возмутился Виктор. Захо-

телось немедленно вернуться обратно в ресторан и потребовать отдельный чек.

— Да. Решила не отвлекать тебя, ты был очень увлечён. Не злись. Если хочешь, верни деньги, я не против. Хотя это совсем необязательно — учитывая тот факт, что я живу в том числе и за твой счёт...

Горбовский поморщился. Он терпеть не мог эту тему. Хотя формально Ира была права. Он действительно до сих пор переводил большие суммы на три счёта — для Марины, Макса и Иры отдельно. Марина свои деньги ни разу не трогала — гордая. Макс всё спустил на ипотеку. А Ира просто регулярно брала оттуда не слишком великие суммы. На что конкретно, Виктор не знал. Но в том, что жить на эти гроши невозможно, нисколько не сомневался.

Да, он был не обязан делать всё это — половину «совместно нажитого» Ира и дети получили ещё при разводе, Виктор оставил им и квартиру, и значительную сумму денег. На стоматологическую клинику, которую Горбовский в то время только организовал, Ира не претендовала, и квартиру он вроде как отдал вместо будущих алиментов. Но... совсем ничего не выделять детям и бывшей жене Виктор не мог. И если кто-то из знакомых начинал проходиться по этой теме, Горбовский быстро его затыкал.

— Ни за что не поверю, что ты не работаешь, Иринка, — пробормотал он, даже не ожидая, что Ира ответит. Это ведь был не вопрос.

Но она ответила.

— Работаю. Хотя ты наверняка не счёл бы это работой. Я книги пишу.

Виктор удивился. Нет, он помнил, что Ире всегда нравилось что-то сочинять — рассказы, стихи, сказки. Но как-то не ожидал подобной категоричности.

Впрочем, его смутило даже не это, а её утверждение, что он наверняка не счёл бы это работой. Высказанное без тени сомнения.

— Почему не счёл бы? — проворчал Виктор, нахмурившись. — Такая же работа, как и все остальные. Просто более творческая. И как... доход?

— По-разному. Сегодня густо, завтра пусто. Поэтому я то беру деньги с твоего счёта, то нет. Всё, вот и мой дом. Спасибо, что проводил.

Ира всерьёз намеревалась уйти, и Горбовского захлестнуло такое отчаяние, что он едва не заорал ей вслед: «Нет, стой!». Вместо этого спросил как можно спокойнее:

— Слушай, а могу я зайти? Я что-то выпил слишком много кофе, в туалет нужно.

Виктор даже не соврал — в туалет действительно хотелось. Да, он мог бы потерпеть с полчаса, на такси добрался бы до дома примерно за это время, но... зачем?

— Без проблем, — легко согласилась Ира. И от этой лёгкости Горбовский растерялся. Поведение бывшей жены настолько не совпадало с тем, как он себе его воображал, что у

Виктора возникало ощущение сна. Может, он действительно просто ещё не проснулся? До сих пор лежит в собственной постели и досыпает то, что не доспал ночью. И не было на самом деле никакой встречи с Ирой...

Но ледяной ветер бил в лицо с абсолютно не воображаемой безжалостностью, и Виктор всё же отмёл свои сомнения. Просто Ира, по-видимому, как-то сумела перешагнуть через случившееся двенадцать лет назад... Он вот не смог. Она смогла. Интересно, принесло ли ей это счастье? Да и вообще — счастлива ли она? Виктор не знал. Макс никогда и ничего не говорил про маму, даже на прямые вопросы старался не отвечать. И Горбовский совсем ничего не знал о Ире и её жизни все эти годы. Только то, что пару лет назад она вроде как уехала в Израиль... но понятия не имел зачем и почему. Хотя и догадывался.

Та операция на сердце... Да, она помогла. Но, как сказал тогда лечащий врач, это не панацея. И, возможно, понадобятся ещё операции.

Но в настоящий момент Ира не выглядела больной, и это немного утешало.

Виктор

Подъезд, лестница, лифт... Пассажирский, в котором стоишь близко, будто в общественном транспорте. Лифт смутил сильнее всего, потому что только в нём Горбовский ощутил тонкий аромат духов Иры. Он был прежним, как и двенадцать, и двадцать пять лет назад, — очень лёгкий и ненавязчивый запах, свежий и прохладный, похожий на аромат весенней зелени, распустившихся почек и первых цветов.

У Виктора он, как и прежде, ассоциировался с любовью. Не с сексом, а именно с любовью, глубоким и сложным чувством, без которого как ни крутись — но счастливым не стать.

Горбовский прикрыл глаза, наслаждаясь этим запахом. И вспоминая, как раньше, когда они с Ирой были «мы», он обнимал её, утыкался носом в шею — и вдыхал, вдыхал...

А ведь это какие-то очень дешёвые духи, Виктор точно помнил. Просто Ире они нравились, и она не собиралась их менять. Даже когда они перестали жёстко экономить, не покупала других. Говорила, что не отзываются, не ложатся на неё, раздражают.

Так и с людьми, наверное. Кому-то надо постоянно менять партнёров, а кто-то довольствуется одним человеком,

родным и любимым. И больше никто не нужен.

И ведь Виктор относил себя ко второй категории... Но за каким-то хреном попёрся в первую. И вышло из этого... Да ничего из этого не вышло, по крайней мере хорошего.

Ира молча открыла входную дверь, шагнула внутрь. Виктор вошёл следом и, вздохнув, качнул головой — в квартире пахло чужими людьми, точнее, даже отсутствием людей. Так пахнут все квартиры, которые долго стоят без жильцов, — старой мебелью, затхлостью и пылью. И Ира здесь живёт...

Бывшая жена молча снимала пальто. Виктор подхватил его, помог стащить, огляделся в поисках вешалки. Она была за его спиной — простая советская металлическая вешалка с крючками для одежды и зонтов. Зонтов на ней сейчас не было, только женский пуховик и несколько шерстяных платков.

Виктор повесил пальто Иры, потом разделся сам. Стянул сапоги и нисколько не удивился, когда бывшая жена бросила перед ним резиновые тапочки. В этом была вся Ира — ей всегда не нравилось, когда гости ходили по квартире босиком, и она обязательно держала в обувнице несколько пар лишних тапочек разных размеров.

— Спасибо, — поблагодарил Виктор, Ира кивнула, и он пошёл в ванную, которая оказалась совмещённым санузлом.

Здесь тоже было так... по-советски. Простая белая плитка на стенах и на полу, желтоватая чугунная ванная, но без сколов на эмали, пластиковые крючки для полотенец. И вот их, кстати, было два — для рук и для тела. Значит, Ира жи-

вёт одна, мужчины у неё нет... Хотя — не факт. Может, он в Израиле остался?

Виктор сделал все свои дела, вымыл руки и на минуту замер перед зеркалом, вглядываясь в его мутноватую от времени поверхность. Зеркало было простым, с небольшой полочкой, на которой сиротливо стоял стакан с зубной пастой и щёткой.

Интересно, каким Ира его видит? Виктор заметил, что она постарела — да, совсем немного, и она всё ещё выглядела великолепно, даже лучше, чем тогда, когда он видел её в последний раз. Но время не повернёшь вспять. Наверное, он тоже постарел, хоть и не замечал этого совершенно. В зеркале не замечал. Спина стала сильнее болеть, от некоторой еды теперь случалась изжога, и уставал Виктор быстрее. Но в целом... Наверное, он ещё ничего. По крайней мере, женщины на него до сих пор реагировали. Но там не поймёшь точно, на что конкретно — может, не на него самого, а на деньги.

Господи, о чём он думает? Понятно же, что на Иру бесполезно пытаться воздействовать своей мужской харизмой. За весь вечер Виктор не заметил ни одного её мимолётного взгляда, который бы сказал о физическом интересе к нему. Хотя сам Горбовский Иру рассматривал... не стеснялся.

Ей всегда шёл красный цвет. А сейчас как-то... особенно.

Кстати! Она ведь собиралась идти в театр, не хотела заходить домой. Но ничего не сказала, не напомнила, когда Виктор отправился провожать...

Удивившись этому факту, Горбовский всё же вышел из ванной. Огляделся и, заметив свет в гостиной, отправился туда.

Ира сидела на диване, скрестив ноги, и на коленях у неё лежала какая-то толстая папка, похожая на фотоальбом. Увидев Виктора, бывшая жена встала и пошла ему навстречу, протягивая свою ношу.

— Это тебе. Ради неё заходила. Бери и пойдём. У меня спектакль через час, надо успеть.

Горбовский, ничего не понимая, принял протянутое, заглянул внутрь — и сглотнул, даже покачнувшись от неожиданности.

Это действительно был фотоальбом.

— Здесь последние двенадцать лет жизни Ришки и Макса, — пояснила Ира, пока он пытался собрать себя по кускам. — Они просили ничего тебе не показывать, и первое время я и не собиралась нарушать своё обещание. Злилась на тебя. Но потом подумала, что это несправедливо, и стала собирать фотографии. Надо было отдать их тебе раньше, но... — Она поморщилась. — Мне не хотелось тебя видеть. Извини.

— Ира... — прохрипел Виктор, не зная, что сказать. Но она только махнула рукой.

— Не надо ничего говорить. Я хочу, чтобы Макс и Марина нормально общались с тобой, и приложу для этого все усилия. А пока... бери фотоальбом. И пошли, пора мне.

Горбовский, прижимая к себе драгоценную ношу, пошёл

за Ирой в коридор. С трудом выпустил фотоальбом из рук, помогая бывшей жене одеться, и всё это время никак не мог осознать происходящее.

Действительно — словно сон. Чудо какое-то...

А Ира на его состояние не обращала внимания. Просто оделась и выскочила из квартиры, на ходу вытягивая из сумки мобильный телефон.

— Я сейчас закажу себе такси, — бросила она, не оборачиваясь. — Ты закажи другое, а то мне некогда тебя домой подбрасывать, опоздаю.

— Хорошо, — пробормотал Виктор, сильнее стискивая фотоальбом в ладонях. Они чесались от желания поскорее раскрыть его и начать рассматривать каждую фотографию. Изучать счастье, которое он потерял.

Они вышли на улицу, встали возле подъезда. Виктор, осторожно положив на лавочку фотоальбом, достал телефон и заказал такси на свой домашний адрес. И как только он это сделал, подъехала машина для Иры.

Бывшая жена, на прощание кивнув ему, направилась к проезжей части, и тут Виктор всё-таки не выдержал.

— Ира! — крикнул он, и она моментально обернулась, посмотрела вопросительно. Но спокойно — так, как смотрят на чужих людей, от которых ничего не нужно и к которым нет никаких чувств. — Я не буду говорить то, что ты просила не говорить... Скажу другое. Можешь не воспринимать это всерьёз, забыть через пять минут... Но я всё-таки скажу. Я

люблю тебя. Всегда любил и буду любить только тебя. Ты сама сказала — ничего не изменилось... И это тоже осталось прежним.

Ира не ответила. Просто отвернулась — быстро, словно пыталась спрятать лицо, — и нырнула в такси.

Виктор

Дома он долго не мог уснуть, всё сидел за кухонным столом, хлестал чай и рассматривал фотографии. Поначалу тянуло на коньяк, но завтра на работу, и Виктор заменил его чаем, налив не в чашку, а в стакан для выпивки. Даже лимончик порезал. Хотя от горечи во рту и ощущения потери ничего не спасало.

Марина и Максим на этих фотографиях росли. И выглядели счастливыми. Дни рождения и другие праздники, поездки на природу и море, просто что-то забавное — фотографий было много, очень много. И на каждой оказывалось то, о чём Виктор не имел понятия. Начиная от мелочей вроде одежды, заканчивая чёрным спаниелем. Когда Горбовский чуть ранее увидел его на фотографии рядом с новорождённой Ульяной, то как-то не придал значения... а теперь выяснилось, что эту собаку завели, когда Марине и Максиму было лет по пятнадцать. И Виктор даже не знал, мальчик она или девочка.

Часа через два, в самый разгар рассматривания фотографий, Горбовский не выдержал и написал Ире краткое «спасибо». Она не ответила, да и не увидела сообщение — видимо, всё ещё смотрела спектакль. Но Виктор не сомневал-

ся, что, даже если бы увидела, вряд ли написала бы что-то в ответ.

Он всегда знал, что Ира не настраивала против него детей, но Горбовский и сам с этим справился в тот день, когда они увидели его и Дашу в ювелирном магазине. В то время Виктор находился для них — особенно для Марины — на пьедестале, он был любимым и обожаемым, самым лучшим... и падение оказалось болезненным. Слишком болезненным. Виктор в одночасье потерял для своих детей всякую ценность, превратившись из родного человека в чужого и подлого предателя.

А Даша... Горбовский понятия не имел, где она сейчас, но малодушно надеялся, что у неё всё плохо. Не должно у таких «людей», как она, быть всё хорошо.

Не зря же существует закон бумеранга...

Рождение близнецов принесло Виктору и Ире много счастья, но и проблем тоже. Поначалу всё казалось нескончаемым кошмаром — бесконечные подгузники-пелёнки-стирки-кормления-крики-колики, бессонные ночи, громоздкая двойная коляска, которая не влезала в лифт — приходилось поднимать ручную, благо жили они в то время на третьем этаже. Теперь Виктор понимал, что на самом деле им с Ирой несказанно повезло — Марина и Максим не были капризными детьми, болели редко и по ночам просыпались не очень часто. Но самое главное — когда один из них орал, второй

(или вторая) молчал, а не поддерживал совместным криком. Вопили близнецы действительно чаще всего по очереди, а не вместе, и это спасало Иру, когда она оставалась с ними одна.

Помогали все — и родители Виктора, и мама Иры, и её брат (Наталья Никитична продала квартиру в Калуге и вместе с Толей переехала в Москву, как только сын закончил школу). И няню нанимали. Но дома всё равно царил перманентный хаос, и из спокойной девочки жена быстро превратилась во взбудораженное существо, вечно торопящееся и дёргающееся по любому поводу и без него. Это порой угнетало, поэтому Виктор, как только близнецы немного подросли, сказал:

— Иди доучивайся. Тебе ещё целый курс.

Ира ужасно обрадовалась. Она ведь ушла в академ и возвращаться не планировала, понимая, что с двумя детьми ей будет не до этого. Да и зачем? На работу устраиваться можно только, когда близнецы пойдут в школу, и то не факт: к этому времени её гипотетический диплом филолога протухнет. Кто её возьмёт с двумя детьми и без опыта?

Всё это она вывалила на Виктора, но он был непреклонен.

— Тебе нужно отвлечься, а то совсем быт поглотил.

— Я плохо выгляжу? — забеспокоилась Ира, и Горбовский честно соврал:

— Нет. Ты просто устала и погрязла в дне сурка. Нужно разнообразие, иначе у тебя начнётся депрессия.

На самом деле, Ира действительно тогда выглядела не

очень, но это была не её вина, Виктор понимал и не желал обижать жену. Близнецы отнимали много сил, а ещё ведь нужно было следить за домом, готовить и убираться. Родственники и няня могли помочь с детьми, Виктор ходил за покупками, но всё равно львиная доля забот была на Ире. И накопившаяся усталость давала о себе знать — и серым цветом лица, и синяками под глазами, и нервным состоянием.

Учёба пошла Ире на пользу. Она расцвела, стала лучше выглядеть, и настроение тоже выправилось. Виктор был доволен. Хотя больше никакой пользы в том, что Ира всё-таки закончила институт, не было. На полноценную работу она так и не вышла, только иногда пыталась подрабатывать по мелочи — то рецензии какие-то писала, то была модератором группы в социальной сети, то ещё что-то. Горбовский никогда не воспринимал это как работу, скорее как необходимость переключиться от быта на что-то другое, и не возражал, наоборот — поддерживал Иру в любой инициативе.

Между тем близнецы росли. Пошли в детский сад, затем в школу, в один класс. И если раньше они в основном дружили друг с другом, то со школы у обоих появились свои компании. У Максима, естественно, из мальчишек, а у Марины — из девчонок. Между собой дети тоже общались, и хорошо, но уже не были абсолютно неразделёнными, как до школы. Виктор немного огорчился из-за этого, а Ира смеялась.

— Ты что, это нормально, — утешала она его, — они ведь разного пола. Само собой, что Максу интереснее с мальчи-

ками, а Ришке с девочками. Главное, что они при этом и друг друга любят и ценят.

Да, это было правдой, и Виктор, оглядываясь назад, понимал, что причиной подобной дружбы были не только характеры близнецов, но и Ира с её воспитанием. Она делала всё, чтобы Марина и Максим дружили, поддерживали друг друга и осознавали: остальные друзья могут прийти и уйти, а вот они навсегда останутся братом и сестрой. И Виктор знал, что у Иры получилось. Вот у него — нет, а у неё — да.

Хреновый из него отец и муж, как выяснилось. А ведь он когда-то гордился своей семьёй...

Виктор

Горбовскому было что вспомнить о тех временах, когда они были счастливы вместе с Ирой и детьми. Счастье не было радужным, бывало всякое — и проблемы, и ссоры, и скандалы. Последние, правда, в основном между близнецами — Виктор и Ира если и конфликтовали, то чаще всего тихо. Точнее, громким был один Виктор, а Ира старалась как могла снизить градус его возмущения. Она вообще редко выходила из себя. Возможно, поэтому и получила сразу инфаркт вместо банальной истерики, которую могла бы закатить другая женщина на её месте.

Но, чем старше становились близнецы, тем больше свободного времени появлялось у Иры, и в конце концов она всё же пошла на работу — обычным секретарём, больше её нигде не брали. Получала какую-то ерунду, ещё и начальник попался самодур, и Виктор, заметив, что жена начала сильнее нервничать, заставил её уволиться.

— Ты мне нужна спокойная и счастливая, а не это вот всё, — сказал он тогда, горячась. — Лучше... не знаю... вязать научись. Или валять из шерсти, говорят, это сейчас модно.

— У меня руки не из того места растут, — возразила Ира, но он только отмахнулся. И задумался о третьем ребёнке,

понимая, что малыш помог бы жене отвлечься, да и возраст у неё был подходящий, и близнецы выросли, теперь не нужно было круглосуточно их пасти. Предложил Ире — и она с радостью согласилась.

Но в отличие от прошлого раза в этот всё получилось не так. Сначала Ира долго не могла забеременеть, затем у неё случился выкидыш, в третий раз — замершая на маленьком сроке беременность. Ира переносила всё стойко, не жаловалась, хотя и расстраивалась ужасно. Стала мрачной и неразговорчивой, и Виктор, приходя в то время домой, раздражался из-за поведения жены. Он по натуре был менее чувствительным, чем Ира, — понимал, почему она огорчена, но не понимал, почему настолько. Ведь у них уже есть двое детей! Ладно бы не было. Зачем же себя изводить?

Кроме того, именно в тот год Виктор решил наконец организовать собственную стоматологию, и ему было немного не до семьи — боялся прогореть, не выдержать конкуренции. Пахал как проклятый, искал деньги и кадры, света белого не видел. А дома вместо улыбчивой Иры — хмурая Ира, которую видеть не хотелось. Горбовский даже стал замечать, что отчего-то избегает близости с женой, потом понял, в чём было дело. Он боялся, что Ира вновь забеременеет, потеряет ребёнка и расстроится. Хватит с неё расстройств!

И в этот временной период, когда они с Ирой существовали рядом на максимальном за все годы брака расстоянии друг от друга, в жизни Горбовского и появилась Даша. Мо-

лоденькая студентка меда, двадцати лет от роду, которую он взял на работу своим ассистентом. Девушка была понятлива и расторопна, и у Виктора с самого начала не было к ней практически никаких нареканий — идеальный работник, да и только. Вежливая, старательная, милая и обаятельная. «Приятно на неё смотреть» — так он тогда думал.

Горбовский в то время считал Дашу чистым и наивным существом — потому что именно так она себя и вела. Не крутила хвостом, не пыталась подкатывать и делать намёки — подобное поведение Виктор всегда пресекал, — а была исключительно непосредственной. И Горбовский быстро догадался, что она в него влюбилась. Всё же он был намного старше неё и умел понимать, когда нравится женщинам, а когда нет. И румянец на юных круглых щеках, и смущённое опускание глаз — всё было достаточно красноречиво. И это... льстило. Мягко говоря.

Горбовский знал, что не красавец, а мужчина весьма специфической внешности. Даша могла бы выбрать кого угодно другого, моложе и привлекательнее. А она влюбилась в него... и так трогательно стеснялась своего чувства, что у Виктора каждый раз дух захватывало. Приятно было — жуть.

И нет, хотеть Дашу он начал не с первого дня, как увидел. Теперь-то Виктор понимал, что она постепенно обрабатывала его, обтекала, как вода острый осколок стекла, и старалась сделать всё, чтобы он был уверен в её чистоте и непорочно-

сти. Даже тогда, в двадцать с небольшим лет, у Даши были очень чёткие и циничные мозги, не имеющие ничего общего ни с моралью, ни с нравственностью, ни с добротой, ни с порядочностью. Всё это для неё было не более чем блажью и лирикой. Даша признавала лишь материальные ценности, желала устроиться в жизни и собиралась добиться своих целей любой ценой.

Но Виктор в то время пребывал в уверенности, что столкнулся с честной и по-настоящему хорошей девушкой, которая просто сильно влюбилась. Чувства контролировать нельзя, поэтому он не стал увольнять Дашу от греха подальше. Общался с ней как ни в чём не бывало, радовался, когда она ему ассистировала во время работы, и купался в обожании. Ему тогда даже казалось, что Ира не любила его настолько сильно, как Даша. По крайней мере, до такой степени в рот она ему не заглядывала.

Сейчас Виктору было странно вспоминать о том, каким он был дураком...

Виктор

А потом он начал обращать внимание на отличную фигуру Даши. Крепкие грудки второго размера, упругая попа, покатые бёдра... Всё это постоянно мелькало перед Виктором, не обнажённое, но весьма провокационно обтянутое, и он невольно залипал. С женой никогда не сравнивал — во-первых, потому что Ира всегда была для Горбовского несравнима, а во-вторых, понимал, что бессмысленно сравнивать двадцать и почти тридцать пять лет. Поэтому он просто наслаждался видами, испытывая некую гордость из-за того, что Даша влюблена именно в него.

Тем вечером они с Дашей немного задержались — делали сложную операцию пациенту, и остальные врачи успели убежать. Администратор клиники, оформив документы, тоже ушла домой, а Виктор зачем-то принял предложение Даши выпить вместе чаю. Домой он не торопился, знал, что жена и дети будут нескоро — они ушли на празднование дня рождения одноклассника Марины и Максима.

Даша, переодевшись из формы в джинсовую юбку и белую блузку, через ткань которой просматривался кружевной лифчик, порхала по подсобке, пока Виктор просто сидел за столом и смотрел на счастливую суеязущую девушку. Смот-

реть на неё с самого начала доставляло Горбовскому удовольствие, но в тот момент, особенно когда Даша наклонялась, открывая обзор на соблазнительную ложбинку между грудей, он ощутил настолько дикое и почти неконтролируемое желание, что даже прикрыл глаза на мгновение. И подумал, что у них с Ирой давно не было секса, пора бы это исправлять...

— Виктор Андреевич, вам плохо? — обеспокоенно спросила Даша, подходя ближе, и Горбовский неожиданно ощутил прикосновение её маленькой прохладной ладони к своей щеке. Лёгкое касание — а в штанах моментально стало тесно от напряжения.

— Всё нормально, — Виктор открыл глаза, попытался улыбнуться, но не успел — Даша вдруг опустилась к нему на колени, обвила руками шею и горячо поцеловала.

Тот поцелуй вышиб из его головы все разумные мысли. И Виктор точно помнил, что ни о чём и ни о ком в тот момент не думал — так ему хотелось скорее попробовать Дашу, присвоить её себе, что всё свелось к примитивным инстинктам. Приподнять, отнести на диван, разложить, раздеть — и наконец проникнуть внутрь желанного тела.

Презервативов у Горбовского не было — зачем бы они ему были нужны на работе? — и позже он с колоссальным облегчением признавал, что ему несказанно повезло, и Даша не забеременела после этого единственного незащищённого секса.

Когда всё закончилось и страсть схлынула, пришла опустошённость. И досада на себя, что не выдержал и поддался искушению. На Дашу Виктор не злился, полагая, что девушка спровоцировала его ненамеренно, а вот на себя — очень.

— Не переживайте, Виктор Андреевич, — прошептала Даша, целуя его в щёку и спускаясь к губам. — Я никому не скажу, обещаю! Понимаю, что у вас семья и дети. Я просто... люблю вас. И я согласна... если вы захотите... быть вашей. Но чтобы никто не знал...

Даша спускалась с поцелуями всё ниже и ниже, и у Виктора вновь мутнело в мозгах. И абсолютно не приходило в голову, что девственницы так себя не ведут. Впрочем, Даша и не была девственницей, но его это не смутило. Он верил, что опыта у неё всё равно мало.

А эта «неопытная» между тем весьма профессионально делала ему минет, и Горбовский вновь возбудился. И восхитился — надо же, он и забыл, что так бывает, когда два раза подряд... Они с Ирой настолько уставали, что и на один-то раз не всегда находились силы, даже если было желание. А тут — дважды! И второй раз в сладком юном ротике...

— Я отвезу тебя домой. — Это было единственное, что сказал Виктор Даше в тот вечер, раздумывая над её словами про «буду вашей, но чтобы никто не знал». Аморально, да. И, с одной стороны, очень хотелось повторить всё, что случилось между ними в этот вечер, а с другой...

И Горбовский отложил решение на потом. Просто отвёз

Дашу домой, не сопротивляясь, когда она полезла целовать его на прощание, и поехал к Ире и детям.

Виктор

Тот самый первый после измены вечер оказался для Виктора сильнейшим испытанием. Было безумно тяжело абсолютно всё — и смотреть Ире в глаза, и улыбаться детям, и даже элементарно дышать. У Горбовского было ощущение, что он пропитался каким-то ядом... Похожее чувство возникло у него однажды в юности, когда он попробовал курить. После единственной сигареты захотелось немедленно вытащить лёгкие из груди, выстирать их и вставить обратно уже чистыми.

Но с лёгкими как-то проще, чем с совестью. И Виктор мучился. И сам себя не понимал, потому что он ведь не жалел о случившемся. Только о том, что теперь не может общаться с Ирой как прежде.

— Что с тобой? — спросила жена тем вечером. — Ты сегодня какой-то особенно хмурый.

— Не обращай внимания, — отмахнулся Виктор нервно. — Пациент просто попался скандальный, весь мозг мне вытащил.

И Горбовский, чтобы отвлечься, принялся рассказывать Ире то, что действительно происходило в его клинике, но отнюдь не в тот день, а неделей раньше. Жена, конечно, пове-

рила, посочувствовала, пожалела и пообещала, что в выходные сделает любимые ватрушки Виктора.

От этого стало совсем тошно.

И он всё-таки принял решение, сказал себе — это был первый и последний раз. Хватит, дал слабину, но усугублять не нужно. Сделаем вид, что ничего не было, и со временем ему полегчает. И с Дашей надо поговорить откровенно, объяснить ситуацию, чтобы девочка не обижалась. Может, и премию ей выписать, только в пределах нормы — иначе подумает, будто Виктор платит за секс и оскорбится.

Каким же он тогда был наивным!

Да, Даша выслушала его проникновенную речь, улыбнулась понимающе и сказала с обманчивой мягкостью:

— Как хочешь. Я сделаю, как ты хочешь...

От этого «я сделаю, как ты хочешь», ещё и произнесённого настолько сокровенным тоном, у Виктора вновь в паху всё напряглось. Даша действовала на него совершенно определённым образом, и она прекрасно понимала каким. И как добиться от Виктора того, чего она хочет, тоже понимала.

Поэтому уже через неделю они вновь оказались на том злополучном диванчике в подсобке, и на этот раз инициатива исходила от Горбовского. Он просто не выдержал откровенных и призывных взглядов Даши, облизывания манящих губ, постоянных ласковых прикосновений и отношения как к божеству. Вновь захотелось почувствовать тот обалденно улётный оргазм... тем более что Виктор так и не притронул-

ся за неделю к жене. После Даши просто не смог, показалось, что этим он ещё сильнее предаст Иру. И ему бы остановиться, задуматься о смысле и сути всех своих переживаний — но Горбовский не пожелал думать о неприятном и терзающем совесть и с большей охотой погрузился в то, что приносило удовольствие. Пусть недолгое, но удовольствие.

А потом он подумал... Всё равно ведь они с Дашей уже переспали. Тогда какая разница — один раз, десять или сто? Всё уже случилось. И глупо отказываться от дальнейших отношений.

Вот Виктор и решил не отказываться.

Ирина

Через полчаса после начала спектакля она поняла, что совершенно не улавливает происходящее на сцене. Сюжет и игра актёров проходили мимо, и, сколько бы Ирина ни пыталась сосредоточиться, включиться в спектакль она не могла.

А всё из-за тех слов Вити...

«Я люблю тебя. Всегда любил и буду любить только тебя».

Зачем он сказал это, Господи? Она поняла бы, если бы Витя решил попросить прощения. Но зачем было признаваться в любви? Спустя столько лет! И его отвратительный поступок в прошлом... Не поступают так люди, которые любят. Но даже если он сейчас искренне считает, что по-прежнему любит её... даже думать об этом тошно!.. В любом случае — зачем вообще Виктору было нужно говорить всё это?

Ирина не понимала. И немного злилась на себя за то, что думает о случившемся. Перекручивает в памяти их сегодняшнюю встречу, лицо бывшего мужа, особенно его глаза — живые и горящие, полные чего-то... настоящего. Это что-то даже отзывалось в ней непонятным томлением, волновало, и всё то время, что они с Виктором общались, Ирина старательно сдерживала любое проявление эмоций. Ей не хотелось показывать бывшему мужу ничего личного, особенно

свои слабости. Пусть лучше считает её замороженной рыбой. И думает, будто она больше ничего не чувствует к нему. Он уже унизил её в прошлом, едва не убил — всё, хватит. Никаких унижений.

Не должен Виктор знать ничего сверх того, что Ирина собиралась ему объяснять.

Кое-как она досидела спектакль до конца и, когда актёры стали выходить на поклон, включила телефон.

В мессенджере оказалось несколько сообщений от Марины — фотографии Ульяны в различных позах, голой и одетой, в том числе и селфи с мамой, — и жалобы на то, что ребёнок скоро рассосёт ей грудь до лохмотьев, и ворчание на тему того, как хочется рыбы, или манго, а ещё лучше — ананас. Ирина улыбнулась, быстро ответила что-то в стиле «держись, я в тебя верю, доча», а затем вновь посмотрела на список сообщений... и сердце отчего-то забилось сильнее.

Впрочем, Ирина отказывалась верить, что это сердцебие-ние что-то значит. Нет, конечно же нет. Просто сердце у неё периодически шалит вот уже двенадцать лет подряд.

Но волноваться не было причин — кроме простого «спасибо» от Виктора больше ничего не приходило. И Ирина неожиданно ощутила странное и абсурдное разочарование.

Что — просто «спасибо»? Она так старалась, собирая этот альбом, а Витя — просто «спасибо»?.. Раньше он не был таким немногословным!

Ирина, вспыхнув от раздражения, резким движением за-

сунула телефон обратно в сумку и поспешила к выходу из зала.

Виктор

Промаявшись всю ночь воспоминаниями, утром Горбовский с трудом встал. Спал он часа два, не больше, и это было абсолютно безответственно, учитывая тот факт, что на сегодня у него было назначено несколько сложных имплантаций. Поэтому Виктор выпил на завтрак целый литр мерзкого кофе, чтобы не уснуть на рабочем месте, и поехал в клинику.

Вот уже двенадцать лет ему ассистировала не Даша, которую он с треском уволил, а Наташа — маленькая и кругленькая, но расторопная девушка со смешной фамилией Тапочкина. Сейчас ей было уже почти сорок, но она по-прежнему смотрелась совсем юной, только морщинки возле глубоких карих глаз выдавали возраст.

Виктору она была симпатична, как любая другая честная и верная женщина, хороший работник и не стерва. Наташа была замужем давно и прочно и уже тогда, когда Виктор брал её на работу, имела двоих детей. Она всегда забавно о них рассказывала, и Горбовский улыбался, но у самого сердце обливалось кровью — Наташины дети сейчас как раз находились в том возрасте, который Виктор пропустил у Марины и Максима...

— Что-то вы сегодня какой-то вялый, Виктор Андреевич,

— шутливо сказала Наташа после первой же операции, но в её карих глазах отражалась тревога. За годы работы вместе с Горбовским она не только привыкла к начальнику, но буквально сроднилась с ним. И сочувствовала ему. — Признавайтесь, чем занимались вместо того, чтобы спать?

Можно было бы соврать, но Виктору не хотелось. Он вообще никогда не скрывал свою семейную ситуацию, и весь коллектив клиники был в курсе того, как он когда-то облажался. Удивительно, но этот способ оказался неплохой прививкой от сплетен — зачем сплетничать о человеке, который и так всё о себе рассказывает?

— Фотографии смотрел.

— Что? — Наташа удивлённо хлопнула ресницами. — Какие ещё фотографии?

— Внучка у меня родилась, — вздохнул Виктор. — А я и не в курсе был. Сама понимаешь почему. Если бы не бывшая жена... Она мне фотографии прислала. Ульяной девочку зовут.

О случайной встрече с Ирой в кафе Горбовский решил не упоминать — зачем? Наверняка эта первая за столько лет встреча станет и последней.

Несколько секунд Наташа просто смотрела на Виктора, и на её лице отражалась сильнейшая работа мозга — она хмурилась, жевала губы, и щёки то бледнели, то краснели. О чём она думает, Горбовский не представлял, но всё стало ясно, когда ассистентка поинтересовалась:

— Виктор Андреевич... а вы не хотите попытаться вернуть её?

— Кого? — Он поднял брови.

— Жену вашу бывшую.

— Наташа, — он иронично и немного ядовито усмехнулся, — тебе нужно читать меньше любовных романов.

— Я вообще не читаю любовные романы, — надулась ассистентка. — Я детективы люблю.

— Тогда откуда такие дикие идеи?

— От верблюда. — Наташа решительно сверкнула глазами и сложила руки на груди. — Послушайте, Виктор Андреевич... Даже за убийство не всегда дают пожизненное! Наказание должно быть соразмерно преступлению! А вы себя много лет уже казните. Неужели так и будете до самой смерти одиноким? Ну нельзя так! Вы на Павла посмотрите — он же вернул жену!

— Ты не сравнивай, — Горбовский покачал головой. Надо было, наверное, рассердиться, что Наташа лезет в его жизнь, но не получалось — знал ведь, что не со зла, а наоборот, беспокоится о нём. Считает его хорошим человеком. Абсурд! И чего в нём хорошего? Дерьмо он, а не человек. — Ты просто не знаешь, какая ситуация была у Павла*. (*Речь идёт о событиях книги «Ты меня предал».) А я вот в курсе, так уж получилось. Он, конечно, виноват... Но его вина с моей несоизмерима.

— Виктор Андреевич, — Наташины глаза стали круглы-

ми, как две монеты, и умоляющими, — ну вы хотя бы попытайтесь. Может, ваша бывшая жена даже хочет этого, откуда вы знаете?

— Нет, точно не хочет.

— Вы не можете знать этого точно!

— Могу.

— Нет, не можете, — горячилась ассистентка. — Даже если она ведёт себя так, словно вы ей безразличны, это вполне может быть притворством. Вы обидели её, унизили — по-другому она и не должна себя вести, это просто невозможно! Но ведь она не вышла замуж во второй раз. И фотографии вам прислала. А что если она...

— Наташа, остановись, — вымученно улыбнулся Виктор, прерывая горячий монолог коллеги. — Иначе я сейчас начну верить в невозможное, а мне это вредно. Ложные надежды вообще вредны для здоровья.

— Жить совсем без надежды ещё хуже, — возразила Наташа. — А вы этим уже столько лет занимаетесь! Попробуйте, Виктор Андреевич. А вдруг получится?

— Не получится. Ну, представь себя на месте моей жены. У вас ведь с мужем двое детей. Вот и представь, что ты заходишь в магазин вместе с детьми — и видишь там своего мужа с любовницей. И что, ты бы простила? Вернулась бы к нему?

— Прошло двенадцать лет, Виктор Андреевич.

— Да какая разница, сколько лет прошло?!

— Большая! — едва не закричала ассистентка. — Огромная! — И вдруг начала цитировать что-то такое, из-за чего Виктор оцепенел: — *Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяносто девяти в пустыне и не пойдёт за пропавшею, пока не найдёт её? А найдя, возьмёт её на плечи свои с радостью и, придя домой, созовёт друзей и соседей и скажет им: порадуйтесь со мною: я нашёл мою пропавшую овцу. Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяносто девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии.** (*Евангелие от Луки, глава 15).

Библия? Да, наверное. Горбовский всегда был атеистом — но сейчас отчего-то пробило и его...

— Виктор Андреевич... — Входная дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула администратор. — Там к вам следующий пациент, запускать?

Виктор тряхнул головой, пытаясь прогнать из неё лишние мысли, но получалось это с трудом.

— Две минуты, Оля, — выдавил из себя в конце концов и пошёл к раковине. — Через две минуты позовёшь...

Наклонился над краном и, пустив плотную струю воды, окунул туда горящее лицо.

Ирина

Она проснулась от холода, пробравшегося под одеяло, словно вор, и начавшего щекотать кожу. Поёжилась, приподнялась на постели, взглянула на окно — да, так и есть, в очередной раз из-за сквозняка створка распахнулась и лютый уличный мороз проник в квартиру. Надо было, наверное, всё же взять побольше Витиных денег и снять что-то нормальное, но Ирине всегда было неловко к ним притрагиваться, поэтому она старалась делать это как можно реже.

Занавески раздувало, как парус, и Ирина, встав с кровати, быстро накинула поверх ночнушки тёплый шерстяной платок — серый, из козьего пуха, подарок Виктора на какой-то её день рождения. Так и не смогла с ним расстаться... в отличие от многих других подарков бывшего мужа. Украшений вот не осталось ни одного — всё отдала в ломбард, и даже жалко не было. Что такое колечко или серьги по сравнению с разрушенной жизнью и искалеченной судьбой?

Ирина закрыла окно, но от стекла так и не отошла — стояла и смотрела на заснеженный двор, случайных прохожих, серое небо и ослепительно-белый снег, шапкой облепивший окружающие предметы.

Витя всегда не любил зиму... а Ирина любила. Из-за Но-

вого года. Как же чудесно они всей семьёй справляли этот праздник, когда Марина и Максим были маленькими! Потом, после развода, любое семейное торжество горчило, будто во все салаты Ирина добавила полынь. Хотя и она сама, и дети старательно улыбались, шутили и смеялись, но... нет. Не то. И Ирина нисколько не удивилась, когда через несколько лет, став достаточно взрослыми, близнецы практически все праздники, кроме её дня рождения, начали отмечать вне дома. Она не обижалась — детям нужно было как-то зализывать раны, оставшиеся после разочарования в любимом папе. И делать это в компании ровесников-друзей было гораздо проще, чем вместе с матерью, которой с тех пор и пить-то было нельзя.

Сколько же раз она пыталась смягчить Марину и Максима! Сын ещё немного поддавался, периодически общаясь с Виктором, но по собственной инициативе звонил отцу лишь однажды — чтобы попросить помощи с ипотекой. У Ирины тогда вертелось на языке злое: «Значит, как приглашать папу на день рождения, так ни за что и пошёл он на фиг, а как денег просить на квартиру — так дай, пожалуйста?». Но она промолчала. Сама видела по лицу Макса, что ему неловко. Но прагматизм победил. И да, Виктор действительно очень помог, причём без всяких условий и колебаний — просто сразу сказал: «Да, конечно». И первым же взносом Максим закрыл больше половины стоимости отличной трёшки.

Надо, наверное, отдать сыну то, что за все эти годы ско-

пилось у неё на счету... Но Ирина никак не могла решиться на подобный поступок. Всё-таки это не её деньги, а бывшего мужа. И когда её не станет, а случится это очень скоро, пусть он сам ими и распоряжается. Отдаст Максу или Марине. Может, после смерти матери дочь всё же начнёт общаться с отцом... Ирине этого очень бы хотелось.

Она винила себя в том, что дети настолько холодно настроены к Виктору. Надо было объяснить им всё ещё в самом начале, буквально сразу как она очнулась после операции. Но Ирина тогда была не в состоянии обсуждать случившееся... и дети варились в собственном соку ещё пару недель — до её выписки.

На выписку Виктор пришёл, но был оттеснён в сторону решительным Толей. Однако Ирине хватило и того, что она видела и слышала краем уха, чтобы потом сутки плохо себя чувствовать и лежать в постели. Все эти события сплелись для Максима и Марины в единое целое, в один сплошной клубок негатива, и обрушился этот негатив на отца — истинного виновника всех бед, которые постигли их семью. И первое время близнецы о Викторе даже слышать ничего не хотели. А потом решили поменять фамилию и отчество, вызвав у Ирины шок на целую неделю, и, как только она попыталась поговорить об этом, тут же заморозились и заявили, что отца у них больше нет. Умер он, умер!

Возможно, если бы Ирина попыталась исправить ситуацию совместно с Виктором, со временем у них получилось

бы растопить детей. Но она и сама не желала его ни видеть, ни слышать. И не была готова сотрудничать с бывшим мужем даже ради детей. Поэтому пустила всё на самотёк. Виновата, да...

Теперь нужно срочно исправляться. Пока ещё не поздно, пока она жива...

Ирина

Телефон зазвонил, когда Ирина заканчивала завтракать. Она невольно вздрогнула, почему-то решив, что это может быть Виктор — но нет, на дисплее высветилось имя её лучшей подруги ещё со времён школы — Маши Вронской.

Когда-то на дне рождения Маши она и познакомилась с Витей. Вронская давно и прочно обосновалась в Израиле, уехала туда лет пятнадцать назад вместе с мужем, но потом развелась, однако обратно в Россию уже не вернулась, не захотела. Три года назад Маша всё-таки уломала Ирину приехать к ней в гости, поправить здоровье, отдохнуть, заодно и помочь с детьми — её мальчишкам тогда было девять и одиннадцать лет, и более вредных ребят Ирина в жизни не встречала. Без мужа Маше было тяжело с ними справляться, но сейчас уже легче — некоторое время назад она как раз встретила другого мужчину и вышла за него замуж. Поначалу — со скандалом со стороны детей, но Лёня — так звали её нового супруга — оказался человеком с невероятно закалённым характером, и уже спустя пару месяцев мальчишки сдались и приняли его.

Вот тогда Ирина и решила, что здесь ей больше нечего делать. Она жила в Израиле только ради подруги, но теперь

у Маши семья, и чего Ирина будет путаться под ногами? И она вернулась в Россию. Тем более что Марина так удачно забеременела — даже не пришлось придумывать причину, достаточно было сказать, что дочери нужна помощь с ребёнком.

— Доброе утро, Иришка, — прозвучал в трубке Машин радостный и звонкий голос. — Как твои дела и настроение?

Когда-то давно Вронская называла Ирину «горбушка» — из-за фамилии Горбовская, конечно. Но после развода перестала. Да и вообще, как и Марина с Максом, не желала говорить о Викторе — каждый раз, когда Ирина упоминала его в разговоре, глаза подруги наливались кровавым бешенством.

— Хорошо. — Подумала пару мгновений и призналась: — Представляешь, вчера зашла в тот ресторан, в котором мы с Горбовским часто сидели, когда только поженились. И встретила там его.

— Кого? — испуганно переспросила Маша, и Ирина отчего-то улыбнулась.

— Да Витю. Сказал, что гулял, случайно дошёл до этого ресторана и решил зайти.

Вронская пару секунд ошеломлённо молчала, затем кашлянула и сдавленно проговорила:

— Совпадение на грани фантастики. Может, он за тобой следил?

— Вряд ли, Маш. Просто... я ему ночью фотографию Марины и Ули отправила. Ну и так, парой фраз ни о чём пе-

ребросились. Наверное, его тоже накрыло воспоминаниями, как и меня, вот и получилось так, что встретились в этом ресторане.

— Иришка... — выдохнула подруга, и Ирина уже приготовилась выслушивать нравоучения, но Маша удивила, тихо и как-то робко проговорив: — Слушай... может, вам попробовать заново?..

От удивления у Ирины даже перед глазами помутнело. И сердце зашлось... Нет, вот это вообще никуда не годится! Ещё не хватает нервничать из-за ерунды.

— В каком смысле — заново?

— В том самом. Двенадцать лет всё-таки прошло.

— Боже, что я слышу, — Ирина попыталась свести разговор к шутке, — ещё совсем недавно ты была готова кастрировать Горбовского, а теперь что? Защищаешь?

— Да не защищаю я его, — хмыкнула Маша. — И кастрировать... пожалуй, нет, но то, что в пах я бы ему врезала с удовольствием, — это точно. Просто... сколько у тебя мужиков было за всё это время? Много.

— Много, — подтвердила Ирина спокойно. Да, монахиней она не была. Ну и что?

— Я к тому, что ни с кем из них ты не была счастлива. Так и не разлюбила ведь Виктора, как ни старалась, правда?

Ирина грустно улыбнулась. Это было правдой. Все эти годы вместо любви она потребляла какой-то суррогат из физического влечения и общения без привязанности. Однако

ей больше и не хотелось привязанностей. Хватит — напри-
вязывалась так, что до сих пор никак не отвяжется. Секс без
обязательств — и достаточно.

Хотя иногда такая тоска была по прежней счастливой жиз-
ни, что хоть волком вой...

— Горб общается кое с кем из наших однокурсников, —
продолжала между тем Маша. — И я точно знаю, что постое-
нной бабы у него не было и нет. Так, может, вам объединить
усилия? Если уж по отдельности не получается быть счаст-
ливыми.

— Я вполне счастлива, — соврала Ирина. — А Витя...
нет, Маш, хватит его с меня. В одну и ту же реку дважды,
как говорится...

— В ту же и не получится. Но можно в другую.

— С тем же человеком? Нет. Ладно, давай больше не бу-
дем на эту тему. Расскажи лучше, как там твои мальчишки.

Положив трубку ещё через полчаса, Ирина некоторое вре-
мя сидела на месте, не двигаясь и прикрыв глаза, унимая бес-
покойно занывшее сердце.

Маша не знала о том, что Ирине сказали врачи два месяца
назад. И никто не знал. И не узнает.

Ещё и по этой причине она не собиралась заводить ника-
ких новых отношений — даже новых «старых» отношений с
Виктором. Какой бы сволочью он ни был, подобного всё же
не заслужил.

Но с детьми она его помирит. И достаточно.

Виктор

До вечера Горбовский дожил с трудом — в сон клонило неимоверно, держался только на кофе и чистом упрямстве. Удивительно, как не напортачил, впрочем, не факт — проблемы после операции возникают чаще всего не в первый день.

Выйдя с работы в девять часов вечера, садиться за руль Виктор не стал, побоявшись уснуть во время вождения, вызвал такси. Дожидаясь машину, краем глаза заметил движение — пробегавший мимо к своему автомобилю Павел Гордеев махнул рукой, прощаясь, и Виктор кивнул, с удовлетворением замечая, что в последние месяцы парень стал выглядеть гораздо лучше. Несмотря на то, что наверняка спал ненамного больше, чем сегодня Горбовский. Но всё это мелочи, когда у тебя есть то, чем ты по-настоящему дорожишь — любовь и семья.

Подъехало такси, и Виктор забрался внутрь, вновь вспоминая утренние слова Наташи. Он всегда знал, что она верующая, но чтобы настолько — не представлял. Не каждый человек сможет Библию цитировать. И если бы Виктору кто-то рассказал, что его пробьёт на эмоции от подобного, он ни за что не поверил бы. Однако вот...

Как Наташа сказала: «пропавшую овцу»? Нет, он не овца, он в лучшем случае баран. Но больше всё-таки похож на козла. Хотя не в этом, конечно, суть...

Каждый человек имеет право на покаяние и прощение. Так говорит нам вера. И формально с этим утверждением согласятся многие, но многие ли смогут претворить его в жизнь? Искренне покаяться и искренне же простить? Немногие. Возможно, потому, что в глубине души всегда кажется, что тот, кто кается, недостаточно искренен. И что он делает это только для того, чтобы не получить заслуженное наказание. Или чтобы вернуться домой...

Да, двенадцать лет назад Виктор каялся именно так — недостаточно искренне. Сейчас, с высоты прожитых лет, он видел это чётко и ясно. В то время он ещё не жалел по-настоящему, не проникся собственной виной, верил, что всё обойдётся. И больше досадовал, что Ира всё узнала, чем клял себя за то, что связался с Дашей. Он переживал за жену и её состояние, но в этих переживаниях не уходил дальше рассуждений о том, почему Ира вообще оказалась в ювелирном салоне. Не осознавал, что не в этом дело, не смотрел в корень ситуации.

Это было малодушно. Нечестно. И не по-настоящему. И да — тогда прощения он совсем не заслуживал.

Тогда... А сейчас?

Как вообще можно измерить искренность? На какие весы положить собственные боль и сожаление? Как понять, кто

заслуживает прощения, а кто нет?

Наверное, только Бог имеет право судить об этом. Бог, в которого Виктор никогда не верил. А уж фразу: «Бог простит» и вовсе считал лицемерной — вроде как человек не хочет брать на себя ответственность... И только теперь понял. Проникся. Не в ответственности дело, а в том, что судить может только Бог.

Но чем это понимание поможет Виктору сейчас? Все эти божественные сферы... Они, конечно, прекрасны, но он ведь ещё не умер и не предстал перед Божьим судом. И что делать, если Виктор собирается жить и хочет провести остаток своих дней с Ирой? Как доказать ей, женщине, которую едва не убил, что он искренен в чувствах, всё осознаёт и больше никогда не обидит её? Да и нужно ли ей это вообще?!

Стоп. Вот он — ответ. Необходимо выяснить, нужен ли Виктор Ире в принципе. А дальше... либо смириться с необратимым, либо пытаться вернуть её.

Виктор

На следующий день он опять работал, но не двенадцать часов, а всего восемь — уже легче. И днём, когда у Виктора был недолгий обеденный перерыв, телефон завибрировал от пришедшего сообщения. Горбовский взял мобильник в руку и едва не поперхнулся бутербродом — писала Ира.

Точнее, не писала — в сообщении было только видео. Зато какое!

Голая Ульянка лежала на пеленальном столике, агукала и улыбалась, а над ней ворковала совершенно счастливая Марина. С синяками под глазами от недосыпа, но всё равно безумно радостная мамочка. Сюсюкала, целовала ножки и ручки, умилялась и даже напевала что-то.

Горбовский вздохнул и вытер заслезившиеся глаза — хорошо, что в подсобке в этот момент никого не было и никто не мог видеть, как их суровый и строгий шеф распускает нюни над видео с младенцем. Но разве можно иначе? Это ведь его внучка, которую он, возможно, и не увидит никогда вживую.

И дочка. Самая родная и самая любимая. Несмотря на то, что она давно отреклась от него, даже отчество поменяла...

В лицо будто кипятком плеснуло, и Виктор, напечатав

краткий ответ: «Спасибо, Иринка!» — отложил телефон в сторону. Надо успокоиться, а то три зуба рвать через полчасика...

Но воспоминания уже нахлынули вновь.

Виктор всегда считал выражение «в измене виноваты оба супруга» абсолютно бредовым. Точнее, не абсолютно — в нём был смысл, если смотреть со стороны психологов и психотерапевтов, которые брали деньги за то, что перекладывали часть вины с одного человека на другого. Возможно, так проще жить — зная, что ты если и виноват, то не целиком и полностью, а у тебя вроде как есть оправдание? Зачастую в стиле «она была дурна собой и не умела готовить», но есть же!

Горбовский в подобные игры с собственной совестью играть отказывался. Он изменил не потому, что Ира была в чём-то перед ним виновата. Она была отличной женой, и упрекнуть её было не в чем. Как и все супруги, они порой ссорились, но серьёзных конфликтов никогда не возникало. И не разлюбил её Виктор, и разводиться не собирался.

Тогда зачем ему понадобилась Даша?

Виктор был честен перед собой, не пытался увиливать и придумывать причины для этой связи. Он изменил, потому что захотел изменить. Потому что потянуло. Наверное, так порой тянет на сладкое тех, кто долго сидит на диете. Горбовский рано женился, и до Иры у него было всего две де-

вушки — никогда он не был бабником, предпочитал постоянство. Пятнадцать лет постоянства... Наскучило? Нет. Скорее, приелось. И неудачи с беременностью добавили напряжённости. Но ничего из этого Виктор не считал оправданием для себя — он не был пьян, силком или шантажом его в постель не тащили, и все мерзкие поступки он совершал по собственной воле. Потому что захотел и мог.

Стыдно было, да. Но Горбовский в то время с какого-то рожна верил, что Ира никогда ни о чём не узнает. А он насытится Дашей — и больше ни-ни, никаких леваков.

Вспоминать собственную беспринципность было мерзко и тошно. Вернуться бы назад и самому себе в рожу дать — жаль, невозможно. И Виктор понимал детей, которые вычеркнули его из своей жизни, — сам, скорее всего, поступил бы так же на их месте. Поэтому и не обижался на Марину с Максом.

Он принял решение об отношениях с Дашей, исходя из собственного желания и лицемерных мыслей о том, что он всё равно уже переспал с ней. Наверное, приблизительно так же рассуждают и убийцы, совершив одно преступление, — раз одно уже есть, можно и второе, и третье...

Их связь продолжалась месяц. На выходных Виктор даже не пытался вырваться, опасаясь, что Ира заподозрит неладное, но в будни навёрстывал упущенное, даже несколько раз брал отгулы и для себя, и для Даши. В рестораны водил, но больше просто трахал. Снял даже квартиру, чтобы было ку-

да приводить любовницу — Даша ведь жила с родителями и младшим братом. Почти как Ира когда-то...

С женой было сложнее всего. Временный запрет на секс у Иры давно кончился, настроение тоже повысилось, и она начала ластиться к Виктору. Раньше он радовался любой инициативе с её стороны, но теперь стал отчего-то раздражаться. Однако старался не отталкивать, понимал, что это будет выглядеть слишком странно и подозрительно. И потом лежал, чувствуя себя опустошённым и разбитым, каким-то гадким, словно раздавленный таракан. В те минуты хотелось немедленно прекратить связь с Дашей, которая разрушала его семью и искренние отношения с Ирой. Но потом Виктор уходил из дома на работу, встречал там Дашу... и передумывал. Слишком уж классно с ней было в постели. А Ира ведь всё равно ничего не знает, и не узнает... И его заморочки останутся только его заморочками.

В общем, думал и рассуждал он тогда как козёл. И перекладывать собственную вину на Иру, доказывая себе, что она тоже в чём-то виновата — например, в плохом настроении после выкидыша и замершей беременности, — не собирался. Как когда-то учили Виктора родители: взрослого человека от ребёнка отличает в первую очередь признание ответственности за свои поступки. И да, он был в ответе за всё случившееся. Он, а не Ира... и даже не Даша, которая, как затем оказалось, приложила руку к той роковой встрече в ювелирном салоне.

Виктор

Весь месяц Даша была, как и прежде, мила и нетребовательна, и Виктор даже порой чувствовал себя виноватым перед ней. Подумать только! Он чувствовал себя виноватым не столько перед женой и детьми, сколько перед чужой девочкой, которую якобы использовал. Даша, конечно, талантливый манипулятор, но и Виктор хорош — где были его мозги? Он и не задумывался о каком-то двойном дне, не подозревал Дашу ни в чём, не проверял. Верил в то, что она говорила и делала, как в абсолютную истину... Возможно, потому, что точно так же он всегда верил Ире. Но одно дело — Ира, действительно честный и чистый человек, его женщина, которую Виктор знал много лет, и совсем другое — почти незнакомая девушка. Почему он не заподозрил, что она может обманывать?!

Теперь уже Горбовский видел таких «Даш» насквозь, распознавал фальшь по одной только улыбке. Как жаль, что для этого ему понадобилось споткнуться и хорошенько проехаться мордой по асфальту...

Через месяц, после очередного проведённого с Дашей дня — Ира думала, что Виктор на работе, тогда как он вновь взял отгул, — Даша упомянула, что у неё совсем нет укра-

шений, только одна пара серёг и серебряное кольцо. Горбовский даже не заметил ухищрений девушки, не подумал, что она может говорить это специально, чтобы встрясти из него наконец хоть что-то материальное кроме съёмной квартиры и ужинов в ресторане. Просто принял к сведению и с улыбкой сказал:

— Значит, завтра после смены пойдём в торговый центр.

— В какой торговый центр? — Даша хлопнула ресницами, глядя на Виктора исподлобья.

— А возле метро который. Там отличный ювелирный салон есть, точно знаю — одноклассник владелец, качество гарантирует. Называется «Изумруд».

— Ой, правда? — Даша восхищённо вздохнула и кинулась обниматься. И ведь он смеялся в тот момент, радовался, что сделает ей подарок, думал, что девочка заслужила. Такая искренняя влюблённость, самоотдача, даже самопожертвование... Виктор в чём-то даже восхищался Дашей, думая, что он бы так не смог — ничего не требовать взамен от любимого, зная, что он никогда не будет принадлежать тебе. Просто проводить вместе время, поминутно ожидая, что тот, кого ты любишь, развернётся и уйдёт к своей семье. Это ведь наверняка больно!

Больно, да. Вот только он не учёл тот факт, что настоящая любовь и должна быть жертвенной, а ещё — честной. И нет ни чистоты, ни искренности там, где царят обман и разврат. И если не можешь сказать о своей любви миру, скрываешь и

подличаешь — то, может, и нет этой любви?

На следующий день, как Виктор и обещал, они с Дашей отправились в ювелирный салон, и всю дорогу девушка сияла от предвкушения. И отчего-то постоянно поглядывала на экран мобильного телефона, но Горбовский не обращал на это внимания. Он любовался юным и одухотворённым лицом Даши и чувствовал себя возле неё моложе и красивее. Проходя мимо витрины, даже понедоумевал — и почему такая молодая и симпатичная девушка влюбилась именно в него? Пятнадцать лет разницы, да и внешность специфическая — лысый здоровенный мужик с пудовыми кулаками, на романтического героя не тянет.

Ну что ж, на романтического героя он и правда не тянул, зато на наивного оленя — вполне.

Вся жизнь Виктора рухнула в тот момент, когда он стоял перед Ирой и детьми в ювелирном салоне, от шока не обращая внимания на то, что Даша предусмотрительно взяла его за руку. А потом жена побледнела и стала падать...

Ни разу в жизни Горбовскому не было настолько страшно, как в тот миг, когда он понял, что сердце у Иры не бьётся. Это был какой-то запредельный, невероятный страх, сжигающий все лишние чувства. Все до единого... Остался только страх. И пульсирующая от напряжения мысль, что Виктор сам, почти что своими руками убил Иру...

Все последующие события смешались в сознании, и он едва помнил, что тогда происходило. Вот Ира лежит на по-

лу магазина, а Виктор делает ей искусственное дыхание и непрямой массаж сердца. Сквозь звон и шум в ушах слышно, как где-то рядом плачут близнецы. Ира начинает дышать, сипло и прерывисто, и на мгновение мир вокруг словно озаряет яркой вспышкой радости — но почти сразу Виктор понимает, что радоваться пока нечему. Это подтверждают и фельдшеры скорой помощи, которые прибывают очень быстро и тут же, не медля, кладут Иру на носилки и несут к машине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.